

Майя Ракита

Дневники приемной матери

ребенка
из детского дома

Личный опыт

Майя Ракита

**Дневники приемной матери
ребенка из детского дома**

«Теревинф»

2017

УДК 376.1-058.865+82-94
ББК 74. 200+84-4

Ракита М.

Дневники приемной матери ребенка из детского дома /
М. Ракита — «Теревинф», 2017 — (Личный опыт)

ISBN 978-5-98563-513-3

Эта книга уникальна: шаг за шагом в ней отражается непростой процесс «отогревания» ребенка, попавшего из детского дома в приемную семью, процесс взаимной адаптации, полный радости и горечи. Автор — профессиональный психолог, поэтому она хорошо видит причины эмоциональных срывов, фантазий, агрессии ребенка, проблем с границами, общением и учебой. И, выделяя составляющие каждой проблемы, выбирает конкретные пути ее решения. Но при этом остается прежде всего любящей, принимающей, тонко чувствующей и сопереживающей мамой непростого ребенка. Одна из частей целиком посвящена решению школьных проблем и профессиональному самоопределению. Книга будет полезна всем родителям, вне зависимости от того, приемный или родной ребенок растет в семье, и интересна всем остальным читателям. 4-е издание (электронное)

УДК 376.1-058.865+82-94
ББК 74. 200+84-4

ISBN 978-5-98563-513-3

© Ракита М., 2017
© Теревинф, 2017

Содержание

Предисловие	6
Дневники приемной матери ребенка из детского дома	7
Часть 1	7
Страхи из прошлого	7
Время	11
Страхи настоящего	17
Возрастной регресс	22
Мальчики, дедушка и Аватар	31
Не знаю, или Битва за осознание	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Майя Ракита

Дневники приемной матери ребенка из детского дома

© Издательство «Генезис», 2017

© Ракита М., 2017

4-е издание (электронное)

* * *

«Каждый взрослый нутром понимает, что жизнь в детском доме – не сахар. Но ни один взрослый даже представить себе не может, насколько она горька, пока лично не столкнется лицом к лицу с ребенком из детского дома. Только беззаветное, огромное желание стать приемными родителями такого ребенка позволит вам не захлебнуться в этой горечи...»

Автор книги – приемная мама и профессиональный психолог. Она понимает причины состояний ребенка, его эмоциональных срывов, агрессии, трудностей с учебой. Она ищет пути решения проблем, при этом оставаясь прежде всего любящей, принимающей и сопереживающей мамой.

Для того чтобы двигаться вперед, необходимо сначала заглянуть в прошлое и, опираясь на ресурсы ребенка, проработать проблемы, которые тянутся из его раннего детства. Лишь потом, на воссозданной основе, можно строить что-то новое. Конечно, не все получается так, как хотелось бы. Время от времени происходят срывы и возвраты к прежнему. Но мы видим живых людей с реальными проблемами и реальными чувствами.

Примеры преодоления проблем, как личностных, так и учебных, делают книгу полезной для родителей, вне зависимости от того, приемный или родной ребенок растет в семье, а трогательная история о том, как выстраивается совместная жизнь мамы и дочери – интересной для всех читателей.

Предисловие

«Сироту пристроить – что храм построить». Пословица, если вдуматься, очень емкая. Она говорит и о значимости этого шага. И о том, что немногие способны на него. И о том, сколько сил, мужества и самоотдачи требуется. Взять в дом чужого ребенка, разделить с ним кров и пищу – это один из немногих поступков, которые вызвали уважение в любой стране и в любое время. Вне истории и вне национальности.

Как любить чужого «плохого» мальчика или девочку? А ведь с точки зрения общества они – те самые «плохие» брошенные дети. Как в воспитательном порыве не возненавидеть его сопротивление?

Книга об этом и не только. Автор обладает свойственной немногим людям способностью требовательной любви. И меня, как непосредственного наблюдателя и участника всего процесса, неизменно поражало это качество моей подруги. Ее умение выставлять жесткие требования и добиваться их выполнения, сохраняя при этом доброжелательность и нежность в отношениях. Об этом в книге написано мало, но, я надеюсь, каждый прочтет это между строк. Потому что именно такая любовь делает жизнь девочки настоящей семейной жизнью.

Ольга Игнатова

Дневники приемной матери ребенка из детского дома

Посвящается моей дочери

Часть 1 Обоюдострое начало

Я намеренно не буду называть имя дочери.
Я не уверена в том, что имею на это право.
Поэтому здесь, в этой книге, она будет
моей доченькой, дочкой, дочерью, дочуркой, дочей.

Каждый взрослый нутром понимает, что жизнь в детском доме – не сахар. Но ни один взрослый даже представить себе не может, насколько она горька, пока лично не столкнется лицом к лицу с ребенком из детского дома. Только огромное, беззаветное желание стать приемными родителями такого ребенка позволит вам не захлебнуться в этой горечи, а честно и открыто разделить ее на части. И относиться к каждой части как к целой жизни!

Возможно, моя идея разделить горечь на части напомнила вам известную притчу про слона. В этой притче каждый слепой схватился за какую-то часть слона и сделал вывод о том, кто такой слон и как он выглядит. Так вот, вы будете вынуждены стать слепым, вам придется по частям восстанавливать картину прошлого вашего ребенка, о котором ничего не скажут ни документы, ни воспитатели, ни директор, ни он сам. Вам придется на время ослепнуть, чтобы не думать, что вы видите и знаете эти проблемные части вашего ребенка. Потому что вы не знаете ни одной части горечи, испытанной им до детского дома, в детском доме и какое-то время после. Это очень важное понимание. Вам действительно необходимо понять, что вы ухватились за то, о чем не имеете представления. И на ощупь, медленно, вы будете открывать вместе с ребенком эти части. В этом и состоит начало. Начало жизни с ребенком из детского дома.

Страхи из прошлого

Злая копия ребенка посредине пустоты...
Павел Кашин

Придуманное прошлое

У каждой части прошлого есть свой страх. Во-первых, страх внутри самого ребенка. Во-вторых, страх вокруг ребенка. Когда ребенок живет в детском доме, он не только чувствует себя преданным, брошенным, глубоко обиженным своими родными. Ребенок пытается забыть плохое, сделать вид, что в его жизни «ничего такого» не было. Но чем больше и упорнее ребенок стремится забыть своих маму и папу, тем глубже проникают в его душу обида и злость.

Запомните: страхи никуда не деваются. Они притупляются на время. Они затаиваются в уголках, тесня надежду на нормальную жизнь. Потому что жизнь в детском доме в принципе нельзя назвать нормальной ни для одного ребенка. Потому что в детском доме ребенку напоминают о его брошенности другие, такие же брошенные дети. Напомнят жестоко, вымещая соб-

ственные обиды, пытаясь забыть и делая другим больно точно так же, как делали больно им самим. Детский дом порочен по своей сути. Потому что ни в одном, даже в самом радостном детском доме дети не могут забыть свои страхи, не могут не причинять друг другу вред: им приходится страдать самим и заставлять страдать других. Прошлое держит и будет держать в страхе всех детей детского дома, потому что его нельзя просто забыть. Даже со временем.

*Доченька моя врет
Не задумываясь, но
Как задумает,
Истинная правда жизни
На вымысел похожа!*

Моя дочь только на третий месяц нашей совместной жизни смогла начать вспоминать свое прошлое. В первые месяцы она себе его придумывала. Доченька всей душой желала иметь хорошее прошлое, но могла его только выдумать. Я старалась ей не мешать, но и не поощряла выдумки. Я не знала, правдивы ли ее рассказы, но чувствовала, что сейчас вранье нужно ей не меньше, чем рыбе вода.

Ребенок не может жить без знания о том, что с ним произошло. Моя дочь знала, что у девочки ее возраста, одиннадцати с половиной лет, могли быть, например, воспоминания о катании на роликах. Дочь взахлеб рассказывала, как они с подружкой катались на роликах и как она научилась делать разные трюки не только на роликах, но и на скейтборде. Простого вопроса о технике катания было бы достаточно, чтобы понять, что это голая неправда. Я слушала байки из якобы ее прошлой жизни, и единственное, что мне приходило в голову, так это то, что дочь хочет мне показать, какая она хорошая и способная девочка. Потому что все ее завиральные истории, в сущности, воссоздавали опыт нормального ребенка, который хочет похвалить себя. И дочь черпала в них уверенность для своей настоящей жизни, облагораживая свое прошлое.

Иногда из этого получались смешные казусы. Однажды по дороге из моего офиса домой я рассказала дочери историю, которая случилась со мной в детстве. С нами была моя подруга, и она вспомнила, что с ней произошел подобный случай. На следующий же день, когда мы шли из школы домой, моя дочурка как ни в чем не бывало рассказала мне историю, которая, по ее представлениям, произошла с ней прошлой зимой. Ее слова оказались точным повтором моей вчерашней истории, но с добавлением того, что рассказала моя подруга. Потом мы вместе с дочкой смеялись и даже подтрунивали над тем, как ловко она пересказывает мои истории, да еще умудряется присвоить себе воспоминания моей подруги. Тогда я была уверена в том, что моя доченька прекрасно понимает, над чем мы смеемся. Но я также понимала и то, что рассказывая мне «свой» эпизод из «своего» прошлого, она совершенно искренне верила, что это действительно произошло именно с ней. Дочка верила, что эта история является именно ее воспоминанием, а не тем, что она услышала вчера вечером от меня. Мне было не жаль своих воспоминаний из детства для дочери. Если бы я могла, то отдала бы ей столько своих историй, сколько нужно, чтобы заполнить ее душевную пустоту. Но я точно знала, что моими воспоминаниями дочка увлеклась лишь на какое-то время, потому что страхи прошлого давали о себе знать почти каждый день. Они были рядом. И они влияли на настроение, на сон, на поведение. Это придуманное прошлое было островком «нормальности» или «хорошести». Но оно не было ее прошлым. Оно было уже нашим настоящим.

Через какое-то время я стала настаивать на том, чтобы моя дочь научилась различать то, что она придумывает, и то, что с ней действительно произошло в *нашем* настоящем. Единственное, чего я хотела добиться, – так это того, чтобы дочь понимала, что у нее есть собственное настоящее! Мне было важно убедить свою дочку в том, что это настоящее происходит именно с ней, а не с выдуманной девочкой. И что я – это я. И что наше настоящее происходит

также со мной, ее приемной мамой, а не с кем-то еще. Я уделяла этому внимание постоянно. Все наши с ней километры пути в школу и из школы, в магазин и из магазина, все наши прогулки и посиделки были посвящены осознанию нашего общего настоящего.

Мы с другом стоим на кухне. Первый день, как мы с дочкой вместе.

Друг говорит мне:

– Надеюсь, ты понимаешь, что она тебя не сможет называть мамой.

Моя дочь распахивает дверь, врывается на кухню и кричит:

– Мама, мама! Смотри, что я нарисовала!

Воспоминания о нашем прошлом

Конечно, в нашем настоящем были общие воспоминания, которые касались жизни после детского дома. Как-то раз моя дочь сказала за ужином, что она решила, что я стану ее мамой, в первый же день нашего знакомства. Меня это удивило. Это было неожиданно, поскольку наша жизнь складывалась очень сложно.

Когда мои друзья спрашивали меня, как я выбирала себе ребенка в детском доме, я пыталась объяснить им, что «выбирать себе детей» в принципе невозможно. Когда ты заходишь в детский дом, на тебя наваливается орава малышни, тебя тянут за руки, за одежду... Двадцать пар рук не дают шагу ступить. И еще двадцать пар глазенок смотрят на тебя с такой надеждой, что ты забываешь обо всем на свете и уже не можешь сдержать рыданий. Все твои чувства обостряются настолько, что тихим голосом произнесенный каким-то малышом прямой вопрос: «А вы будете моей мамой?» – превращается в крик твоей собственной души. И ненависть ко всему человечеству подступает так близко к сердцу, что приходится срочно бежать в какой-нибудь уголок, тайком смахивать слезы и приводить себя в порядок. Сбежать в этот момент, поддаться слабости можно. В этом нет ничего постыдного. Но вернуться – сложнее во сто крат! Хотя и это осуществимо. Непостижимо само наличие и увеличение количества детских домов, этого не понять ни умом профессионального психолога, ни сердцем женщины. Что касается меня, то я приехала за конкретным ребенком, вместе с которым провела Новый год у моих друзей, а взяла ту девочку, которую мне дали. Взяла без сопротивления и в соответствии с законом жизни: дают – бери!

Так вот. Доченька очень подробно вспомнила тот день, когда я впервые взяла ее с собой из детского дома. Поскольку детский дом находился не в моем, а в другом городе, я жила у своих друзей и могла пригласить свою будущую дочь только к ним, предварительно получив их согласие. Дочка вспомнила, как мы рисовали, как болтали, как смотрели все вместе «Мадагаскар-2», как делали винегрет, а вечером взбивали молочный коктейль с бананами, как рассматривали все вместе фотографии моего родного города, города, в который нам предстояло через какое-то (никто не знал, какое) время уехать и там жить. Дочь вспомнила и о том, как я укладывала ее спать, читала сказку на ночь. В тот момент, когда мы легли, касаясь друг друга, моя дочь подумала, что я стану ее мамой. Она так и сказала мне за ужином по прошествии более трех месяцев, что это она меня выбрала.

Потеряла крестик

Доченька в дороге.

Снег же все не тает —

Держится за крестик.

Сыщется ли прошлое?

Мосты прошлого сожжены

И пусть до приезда в мой город у нас был еще месяц, она не переставая думала обо мне. А я – о ней. Я бегала с документами по инстанциям. А она выдержала разговор с родной мамой. Рыдала ночами.

Моя будущая дочка наотрез отказалась брать с собой какие-либо фотографии из прошлой жизни. Она сожгла все мосты и уехала со мной в незнакомый город, к незнакомым людям. Моя дочь пошла в незнакомую школу и стала преодолевать незнакомые ей трудности. Это не значит, что она перестала рыдать. Не значит, что она перестала отказываться. Не значит, что перестала бояться. Это не значит, что она перестала хотеть забыть свое прошлое, и особенно свою маму, навсегда! Это значит, что она осмелилась начать жить со мной. И нам предстояло построить в нашей жизни новые мосты. Старые мосты были сожжены, чтобы мы могли уехать. И теперь нам нужны были другие, чтобы остаться.

В моем случае за три месяца настоящее было осознано и принято – ценой невероятных душевных и профессиональных усилий не только с моей стороны, но и со стороны моей дочери. В конце третьего месяца у нее появилось первое воспоминание из собственной, реальной прошлой жизни. Конечно, были моменты до этого, когда она пыталась мне что-то рассказать. В ее памяти всплывали воспоминания, но попытки рассказать о них превращались в стоны и захлебывание слезами. Слезы катились градом, и дочь не могла произнести ни одного слова. Она выдавливала из себя какие-то непонятные звуки, и мне приходилось ее долго успокаивать.

Не мой, но очень важный случай

Среди моего окружения только одни дальние знакомые решились взять маленького ребенка из детского дома. Мальчик лет трех-четырех без конца спрашивал своих приемных родителей: «Мама, как же ты могла оставить меня в детском доме?»

Мама была растеряна. Она-то не оставляла этого малыша, а наоборот – взяла его из детского дома.

– Папа, как же ты мог оставить меня в детском доме?

Папа тоже ничего не понял. В первый раз. Но на второй, третий раз приемные родители повинились перед этим мальчиком и попросили прощения. Мама просила простить ее за то, что она оставила своего маленького мальчика в детском доме. Папа умолял простить его за то, что он позволил случиться тому, что его любимый сыночек попал в детский дом.

– Бабушка, как ты могла оставить меня в детском доме? Бабушка, как ты могла разрешить моей маме бросить меня?

И бабушка просила прощения за то, что позволила своей дочери бросить любимого внука в детском доме.

– Дедушка, как ты мог оставить меня в детском доме, почему ты меня не забрал оттуда?

И дедушка тоже просил его простить за то, что он не забрал своего любимого внука из детского дома раньше.

Вопросы маленького мальчика были обращены к его новым родителям, которые ни в чем перед ним не виноваты. Но им пришлось взять на себя всю вину и ответственность кровных родителей, которые бросили своего маленького сынишку, отказались его воспитывать. Приемные родители просили простить их. Конечно, мальчик их простил. Дети хотят все и всех простить. Им просто нужно в этом помочь. Например, взяв вину на себя.

*Тяжеск груз вины,
И мало знать о боли.*

*Сердце нервно рвется.
Доченька, как тебе забыть
Жасмина чудный запах?*

Время

Наши слабые места

Обычно люди воспринимают разговоры о времени как некую банальность и обыденность. Во многом такое восприятие оправдано привычностью повседневной жизни. Как правило, осознанное отношение ко времени появляется либо с возрастом, поскольку смерть не за горами, либо вследствие потрясения, несчастья. Не зря же народная мудрость гласит: «Счастливые часов не наблюдают». Ценить каждый час своей жизни – задача непомерно сложная еще и потому, что этот час автоматически наполняется заботами, делами и хлопотами. Лишь те ситуации, которые выбивают взрослого человека из автоматического состояния, заставляют его задуматься и о времени, и о смысле проведенного времени, т. е. о смысле самой жизни.

Совсем другое восприятие времени возникает у взрослого человека, в жизни которого появляется ребенок. И не просто сын или дочь подруги, а ребенок, который каждую секунду, каждый час находится рядом. Поверьте, эта ситуация заставляет задуматься: как и чем наполнить жизнь ребенка.

Моей дочке было одиннадцать лет, когда под Новый год мы приехали ко мне домой и стали жить вместе. Она практически не умела читать. Раньше, учась в обычной школе, она была в привилегированном положении ребенка из детского дома: приходила ко второму, иногда к третьему уроку, не выполняла домашних заданий – и ей все сходило с рук. Заветные тройки были обеспечены. А какие еще могли быть оценки у ученицы четвертого класса, которая не могла толком прочесть даже условие задачи? Но если о школе у моей дочки имелись хоть какие-то представления, то понятия о домашнем образе жизни не было вообще. Поэтому во время зимних каникул я, как слепая, ухватилась за дом. И мы стали его обживать.

*Множество мышек
В нашем доме: слепленных,
Резных, бисерных —
Ждут часа своего.
Да репка медленно растет!*

За несколько первых дней нашей жизни мы купили необходимые вещи моей доченьке. Стояла зима, шел снег, а мы, подставляя лица опускающимся снежинкам, ходили от магазина к магазину. Доченька моя притомилась, а я была шокирована ценами на детские вещи и тем, как много всего было необходимо купить. Кроме того, выяснилось, что дочку укачивает в маршрутках. Поэтому мы садились и ехали до того момента, пока тошнота не подступала к горлу. Тогда мы выходили и искали нужные вещи там, куда успевали доехать.

Все эти походы за одеждой и обувью выявили наши слабые стороны. Слабость моей дочки была в том, что раньше она никогда не решала сама, что ей носить. Ее никогда не спрашивали о том, что ей нужно. Она никогда не делала самостоятельный выбор относительно одежды или обуви.

Личных вещей в детском доме у нее не было, и носила она только то, что ей давали.

Моя слабость оказалась в том, что я понятия не имела ни о детских размерах, ни о детских материальных потребностях. От надежды на то, что дочь сама начнет выбирать вещи в свои одиннадцать лет, пришлось отказаться сразу же. Дочка смотрела обреченным взглядом, крепко держала меня за руку и ни при каких обстоятельствах не желала оставаться одна. Мои уговоры присесть на диванчик и снять дырявые сапоги, пока я ей буду выбирать для примерки ту или иную пару обуви, не действовали. Дочь крепко вцепилась в меня и ни за что не соглашалась разжать руки.

Продавщицы тоже мало чем помогали. Им были совершенно безразличны наши с дочкой затруднения. Моя просьба принести нам зимние сапоги такого-то размера была выполнена лишь единожды. Никто не собирался облегчать нам жизнь. Мы, держась за руки, ходили по магазину. Я выбирала пару сапог, затем мы шли, не разнимая рук, к диванчику, присаживались, дочка при мне снимала свои сапоги и надевала новые. Если сапоги не подходили, она надевала старые, и мы, все так же держась за руки, шли искать другую пару сапог, и все повторялось с начала. С горем пополам, не разлучаясь ни на секунду, мы оказались обуты и одеты.

Зимние фотографии

Все наши походы и прогулки на зимних каникулах сильнее всего истощали меня физически. Я буквально носила на себе свою дочь. Спустя много месяцев я, просматривая фотографии с наших прогулок и поездок, заметила, что ни на одной из зимних фотографий моя дочь не стоит самостоятельно. Вот она висит на мне, вот она буквально налегла на сына моего друга, а вот она ухватилась сзади и почти всем своим весом пригнула к земле мою подругу. И я тогда подумала, насколько же брошенным детям тяжело стоять на земле своими ногами. Поверьте, эта «висячесть» не есть детское стремление повозиться, поваляться, побеситься с другими детьми или взрослыми. Конечно, моя доченька постоянно заигрывала, дралась, толкалась, убегала и прибегала. Она была постоянно в движении. Но постоять спокойно и самостоятельно одну минуту, чтобы сфотографироваться, была для нее задача непосильная – ни физически, ни психологически.

В первые месяцы я осознанно позволяла своей дочурке висеть на мне. Себя я успокаивала мыслями о нелегкой роли матери, которой приходится носить своих детей на руках с младенчества. Считается, что ребенок растет благодаря энергии матери, и это действительно так. Только материнская сила способна поставить ребенка на ноги в прямом и в переносном смысле. И когда возникает ситуация, что ребенок лишается своих родителей, то он, в первую очередь, лишается именно родительской силы, родительской защиты, родительской энергии. И я знаю, что детский дом, какой бы замечательный он ни был, никогда не поставит на ноги своих воспитанников. По одной очень простой причине, мудрой и житейской, – никто не будет делиться своей энергией, брать каждого брошенного ребенка под «свое крыло». А энергии детдомовскому ребенку нужно во сто крат больше, чем ребенку, находящемуся под родительской защитой. Ведь ребенку из детского дома нужна энергия и для того, чтобы справиться со своими прошлыми ужасами, и для того, чтобы встать на ноги.

*Солнечная пылинка
Обманом веса не имеет.
А как вдохнешь, так
Грузом ляжет. Придавит —
То, что я сказать хотела.*

Домашний образ жизни

Не проходило и дня, чтобы я не вспоминала свой разговор с воспитателем детского дома. Мы сидели на очередном празднике детского дома. На сцене пели и плясали детишки. И в этой атмосфере случился такой диалог.

- *Возьмите эту девочку, она вам будет мыть полы. Она хорошо их моет.*
- *???*
- *Она умеет мыть полы, вы не думайте...*
- *Мне нужна дочка, а полы я и сама могу помыть!*
- *Зачем же самой?*

Насколько моя дочка казалась испуганной и растерянной во внешнем мире, настолько же она оказалась наглой, агрессивной и беспардонной дома, в нашей квартире. Если в магазине она крепко держала меня за руку и была как бы приклеена ко мне, то дома она устраивала жуткие погромы. Вот такие разговоры у нас бывали достаточно часто.

- *Да. Разбросать свои вещи в разные стороны ты смогла. А теперь давай все приведем в порядок и сложим на свои места.*
- *Еще чего!*
- *Доча, но это же твои вещи?*
- *Вот ты и убирай!*
- *Я занимаюсь своими домашними делами, а у тебя есть свои.*
- *Я тут не уборщица, я убирать ничего не буду!*
- *Так что, ты собираешься жить в таком беспорядке?*
- *Нет, ты будешь убирать у меня в комнате!*

Вы теперь понимаете, почему не проходило и дня, когда бы я не вспомнила фразу воспитательницы из детского дома: «Возьмите эту девочку, она вам будет мыть полы»? Прошло больше года, а моя доченька только один раз действительно мыла полы. И прошли миллионы минут в разговорах о том, что такое свой дом, своя комната, свои вещи, свои домашние дела, прежде чем моя дочурка что-то сделала по дому.

Оно и понятно. Представьте себе детей, которым прислуживают специально нанятые государством взрослые люди. Государство наняло поварих, чтобы они готовили, кормили и мыли за детьми посуду. Государство наняло уборщиц, чтобы они мыли, подметали, стирали и все прочее. Государство наняло воспитателей, чтобы они будили детей, одевали, водили в школу, приводили обратно в детский дом, делали с ними уроки и все прочее. С чего это у детдомовских детей такие слуги? Этот вопрос без конца мучил меня. Я понимала всю несостоятельность и язвительность этого риторического вопроса, но волей-неволей он возникал с новой силой.

Когда состоятельная семья на свои заработанные или вовремя украденные деньги строит большой дом, нанимает прислугу, поваров, садовников, гувернеров – это нормально. Дети знают, что эти люди работают на них и получают за это деньги. А деньги зарабатывают родители. Здесь нет никакого порока. Все работают. Каждый зарабатывает на жизнь как может. Как говорится, кто на что учился. А что понимают дети из детского дома, к каким мыслям привыкают они? Согласитесь, к хорошему люди привыкают быстро. Но это хорошее они создают своими силами. А детдомовским детям еще даже не представилось случая сделать что-то хорошее своими силами, но они уже привыкли к полному обслуживанию. И это порочно!

В детском доме нанятые государством люди выполняют свои функциональные обязанности и этим ограничиваются. У них-то есть свой дом, свои родные, свои вещи, домашние хлоп-

поты. Их никто не лишал свободы готовить обед своему мужу, мыть полы у себя дома. Может быть, домашние хлопоты им неприятны. Возможно даже, что они без удовольствия убирают свой дом. Главное, что у них изначально есть право это делать! А у детей в детском доме такого права априори нет! И все разговоры о том, что дети в детском доме помогают уборщицам мыть полы, глупы и кощунственны по своей природе, так как у детей нет никакого желания помогать уборщицам зарабатывать положенную зарплату. И если они это делают, то делают из весьма неблагородных мотивов.

Посуду моя дочь впервые помыла на третьем месяце нашей совместной жизни. Борьба за чистоту и домашний порядок оказалась настоящей битвой без врага. Я хорошо понимала, что нужно ввести правила и следовать им неукоснительно. Мне понадобилась вся моя устойчивость, чтобы не потянуться за валяющейся кофточкой и не положить ее в красивый зеркальный шкаф дочери, предварительно свернув. Для меня было бы легко и почти естественно сделать это. И уж тем более не лень. Дело в том, что мне нужно было воспитать в доченьке, во-первых, позитивное отношение к своей комнате, во-вторых, ответственное отношение к своим вещам, а в-третьих – способность самостоятельно принимать решения. Конечно, воспитание – слишком объемный процесс. Но, вспомнив притчу о слепых, я решила вначале сконцентрироваться на порядке в комнате и еде.

Порядок в комнате

Я установила правило, которое гласило: «Если вещь валяется на полу, значит, она не нужна и ее можно выбросить!» У моей дочери после похода по магазинам сложилось твердое убеждение, что мои слова не расходятся с поступками. Уж если я что сказала, то можно быть абсолютно уверенным в том, что я так и сделаю. Дочь на своем опыте убедилась в моей устойчивости к ее «хочу-купишкам». А хотела она всякой ерунды вроде той, которая лежит на полках у кассы любого крупного универсама. Если она ныла, я внимательно смотрела ей в глаза и спрашивала: «Сколько времени у тебя эта игрушка продержится?». Дочь отвечала: «Все время, я ее буду беречь!». Я покупала эту игрушку, напоминая правило. И как только на следующий день я обнаруживала именно эту, якобы дорогую ее сердцу игрушку валяющейся на полу, я демонстративно поднимала ее с пола и выбрасывала в мусорное ведро. Моя дочь злилась, рыдала, но я была непреклонна. Правило нарушено. Если вещь дорога, то ее надо беречь и у нее должно быть свое место! Так мало-помалу доченька воспитывала в себе бережливость и ответственность. Она стала более аккуратна и внимательна к своим любимым игрушкам и вещам (хотя бы в первое время). Конечно, потом новизна исчезала, и вместе с ней исчезало бережное отношение. На остальное пока не хватало ни рук, ни внимания. Я ей помогала и устраивала совместные уборки.

В вопросах, связанных с уборкой, мы долго не находили общего языка. «Еще чего!» – так и слетало с языка моей дочери. Автоматически! Я понимала, что автоматическую реакцию преодолеть сложнее, чем можно было бы ожидать. Поэтому терпеливо вместе с ней сначала наводила порядок в ее комнате, потом начинала убирать свою комнату, кухню и коридор. Очень скоро такая стратегия дала хорошие результаты: дочь заинтересовалась пылесосом. Ее в принципе привлекали устройства и приборчики. Долго они не жили, но жажду нового утоляли. Например, фонарики покупались раз в две недели. Она их собирала-разбирала, брала на ночь в кровать и под одеялом играла с ними или просто лежала и светила в потолок, на стены комнаты. Ритуал засыпания с фонарем продержался долго и сыграл позитивную роль в нашей жизни. На покупку фонарей я не скупилась, так как они были частью необходимого ритуала. Все остальные «хочу», не представлявшие ценности для нашей жизни, я полностью игнорировала.

Так вот, моя дочь заинтересовалась пылесосом. И я стала поручать ей уборку сначала только ее комнаты, а затем и всей квартиры. Ковер в моей комнате отличался от ковра в комнате дочери структурой ворса, и пылесосить его было труднее. Я показала и рассказала, как удобнее пылесосить мой ковер, и дочка больше не испытывала трудностей с уборкой всей квартиры. Очень скоро нам понадобился новый пылесос. Сила, с которой дочь жала на трубки, расплющила их, и по ним пошли трещины. Но зато наша квартира была чистая. Новый пылесос понравился моей дочурке. И теперь она без проблем пылесосит. Но полы не моет. Их по-прежнему мою я.

И еще одного мы не достигли из того, чего мне бы очень хотелось, – инициативы в домашнем хозяйстве. Да, моя дочь без проблем пропылесосит квартиру. Но только после того, как я ей скажу или напишу об этом. И никак иначе. Ей не придет в голову мысль о том, что пора бы заняться уборкой. Пока инициативных мыслей в голове моей дочурки не водится.

Геометрическое правило

Через год и три месяца я смогла ввести еще одно правило. Поскольку в то время моя дочь начала делать успехи в геометрии, я назвала его «геометрией действия». У дочки, видимо, от природы было неплохо развито зрительно-пространственное воображение. А я еще и поддерживала развитие способностей дочурки в этом направлении. Так вот, как-то раз после ужина я объявила, что сейчас мы займемся изучением очень ценного геометрического правила, которое в школе вряд ли будут преподавать. Я попросила свою дочь принести на кухню фломастеры и большой лист белой бумаги. Мы сели рядом, и я разделила лист линией на две половины. Одну половину я назвала «Беспорядок». Другую, соответственно, «Порядок».

– Дочь, смотри, сейчас я открою тебе тайну беспорядка, – сказала я.

– Мама, а где геометрия?

– Смотри на рисунок, и она появится, ты ее узнаешь в линиях, – убежденно ответила я. И моя дочь стала завороченно наблюдать за моим рисованием. Я нарисовала кружок, приделала к нему туловище в виде овала и нарисовала ручки и ножки тоже овалами.

– Это ты, – намекнула я. – Ты пришла из школы и переодеваешься. Вот ты снимаешь школьные брюки, – я нарисовала аккуратные брючки рядом со схемой человечка. – Смотри, вот ты бросаешь их здесь, – я нарисовала диван под брюками, – а они должны висеть на стуле.

Чуть ниже я нарисовала стул с высокой спинкой в проекции 45 градусов.

– Да, стул хорошо получился, правда? – спросила я свою дочь.

– Мама, а при чем тут беспорядок?!

– Вот! Ты и спросила о главном. Мы к нему подошли вплотную. Смотри, что будет дальше. Итак, ты бросила свои брюки, например, на диване. И подумала, что повесишь их на стул потом, а сейчас тебе захотелось... например, порисовать. Ты переходишь к своему столу и начинаешь доставать карандаши, фломастеры, альбом. Ты придумала, что именно будешь рисовать, и рисуешь.

Я нарисовала перемещения человечка по комнате стрелочками. Добавила рисунок письменного стола, на котором появилось много предметов для рисования.

– Ты за столом. Прихожу я, и что я вижу?

– Что я рисую?

– Да, сначала я вижу, что ты сидишь за столом и рисуешь. А потом я вижу состояние комнаты. Одно дело – разбросано то, что необходимо тебе сейчас. Разбросанные фломастеры и карандаши, валяющиеся на полу энциклопедию рисования и листы из альбома я могу гордо назвать «творческим беспорядком». Но валяющуюся на полу рубашку и лежащие на диване брюки и колготки я могу уверенно назвать самым обычным беспорядком. А теперь появится геометрия беспорядка. Смотри внимательно!

Я рисую такого же человечка.

– Это я, ты уже это поняла. Для того чтобы свои школьные брюки повесить на стул, ты идешь к дивану. – Стрелочкой я указываю передвижение первого человечка от письменного стола к дивану и помечаю это действие номером 1.

– Дальше ты берешь свои брюки и идешь их вешать на стул, где они и должны были находиться, – я рисую стрелочку от дивана к стулу и маркирую ее номером 2, – затем ты возвращаешься к своему рисованию. – Я рисую стрелочку и ставлю номер 3 рядом с ней. – Это *суета* – следствие беспорядка.

Я крупными буквами красным фломастером пишу слова «Суета» и «Потом».

– Я надеюсь, ты понимаешь, как эти слова связаны между собой: мысль о том, что ты потом уберешь свою одежду, порождает суету, которую я и изобразила стрелочками. А еще бывает и так: ты остаешься на месте рисования, а я иду к твоим брюкам, – я рисую передвижение второго человечка, то есть себя, и помечаю эту стрелочку номером 1, – вместо тебя беру брюки с дивана и иду вешать их на стул. – Это свое перемещение я отмечаю стрелочкой под номером 2. – Конечно, я стараюсь, чтобы ты сама следила за своими вещами, но иногда мне приходится убирать их по местам за тебя, а это в один прием не получается, как показывает наш рисунок. Но самое главное, что всей этой бесполезной и занудной суеты могло не быть, если бы ты знала геометрическое правило порядка и следовала ему.

Я перешла к рисованию на второй половине листа.

– Начнем все с начала: доченька моя приходит из школы домой. – Я рисую опять ту же смешную рожицу с ножками и ручками в виде палочек, овалов и кружочков.

Дочь очень довольна моим рисованием. Ей нравятся схематичные человечки.

– Ты, как обычно, сразу начинаешь переодеваться: снимаешь брюки и идешь к стулу, чтобы их повесить. – Я рисую стул, на котором висят брюки, и отмечаю это действие стрелочкой под номером 1. – Дальше ты хочешь порисовать, садишься за стол и рисуешь. А твоя комната – в полном порядке. И когда я к тебе прихожу, ничего не омрачает моего взора. Я вижу только хорошее – моя дочь рисует!

– Здорово! А ты мне обещала рассказать о секрете?

– Да, теперь, когда есть рисунки «Порядка» и «Беспорядка» и ты можешь видеть, чем они отличаются друг от друга, я могу открыть тебе секрет порядка. Секрет заключается в девизе: «Никаких промежуточных действий: все сразу и сейчас!». – Я крупными буквами пишу на стороне «Порядка» слова «Сразу» и «Сейчас». – Секрет прост, как одно действие, но очень качественное и результативное. Ты, конечно же, можешь создавать суету большим количеством действий, у которых только один результат. Лично я предпочитаю получать один результат за одно действие. И так происходит в любом деле. Не только в поддержании порядка в собственной комнате. Давай повесим этот лист с рисунками на стенку в твоей комнате. Пусть он будет у тебя перед глазами и напоминает тебе о том, что ты знаешь секрет порядка и можешь ему следовать!

Первое время я постоянно обращала внимание своей дочери на промежуточные действия. Иногда мы вместе с ней их устранили. Иногда я наказывала дочь, вытряхивая все содержимое ящика на пол и заставляя более внимательно и аккуратно все упаковывать и раскладывать вещи сразу по своим местам. Порой мне все-таки приходилось выбрасывать игрушки и вещи. Но гораздо реже, чем это было вначале. К сожалению, инициативы в том, чтобы что-либо убрать на место, нет до сих пор. Но отношение моей дочери к своей комнате и своим вещам можно уверенно назвать приемлемым.

Страхи настоящего

Мечты

Каждый ребенок, живущий в детском доме, мечтает о жизни в семье. Дети мечтают о маме, о папе, о том, как они будут вместе жить и радоваться этой новой жизни. Я думаю, что многие разговоры, которые дети ведут в детском доме, так или иначе крутятся вокруг их будущей прекрасной жизни с мамой и папой. И, как и любые другие, их мечты полны радужных надежд.

Но не только. Их мечты также полны и жутких страхов. Потому что все неизвестное является устрашающим. И мечты о будущей жизни извращаются детьми, чему способствуют условия жизни в детском доме. Если бы каждый из этих детей мечтал о своей маме в одиночку, наверное, он не смог бы придумать столько страхов. Но вот группа девочек и мальчиков это вполне может. Безусловно, «помогает» и преданный друг детей – телевизор. И мечтания о будущей прекрасной жизни затеняются всеми известными миру извращениями, всем самым страшным, что в принципе могут делать взрослые люди с детьми: бить, насиловать, продавать, убивать, заставлять мыть и убирать, морить голодом и т. п. Поверьте, этот список не так уж и мал.

Если на одном полюсе мечты о новой жизни с родителями «живут» страхи и извращения, то на другом полюсе этой мечты о будущей прекрасной жизни с новыми мамами и папами «живет» не что иное, как вождение богатой, беззаботной, я бы даже сказала, потребительской жизни. Дети в разговорах о сытой и богатой жизни проводят никак не меньше времени, чем в разговорах об ужасах, которые могут случиться с ними в предстоящей жизни с их новыми мамами и папами. И, безусловно, рейтинг душещипательных бесед о страхах и прелестях значительно превышает рейтинг бесед об успехах в школе. Разве могут мечтания о будущей жизни сравниться с корпением над книгой или выполнением домашних заданий?

А теперь представьте: ребенок из детского дома с багажом мечтаний о беззаботной жизни и копилкой всех известных ему ужасов действительно оказывается с новой мамой в незнакомом городе. Как я уже писала, порой страхи из прошлой «плохой» жизни меркнут перед страхами настоящей. Что может случиться с детдомовским ребенком в приемной семье? Вы видели, как избивали бедного мальчика в каком-то там селе какой-то там области? А как с нашими детьми обращаются в Америке? А сколько детей погибло от рук извращенцев в Италии? Эти вопросы волнуют общественность. Потому что они дают пищу благородному гневу и повышают рейтинг нечеловеческих телевизионных шоу. Но почему никто не задумывается над тем, зачем и кому вообще нужны детские дома? И зачем столько горя вокруг при неуклонном повышении материального уровня жизни? И что с этим делать?..

Страшны не страхи, страшны провокации

Мне тоже было страшно за наше настоящее. Потому что моя дочь постоянно провоцировала меня на агрессию. Она делала все возможное для того, чтобы я ее побила. А я делала буквально невозможное для того, чтобы вовремя остановиться и не поддаться на провокацию. Так мы и жили первый год – в жутком напряге. На улице дочь на мне висела и с помощью моей энергии познавала новый мир нового для себя города, новой школы. А дома, наедине со взрослой женщиной, то есть мной, она чувствовала себя маленькой и беззащитной и воспроизводила все накопленные страхи, десятки раз обговоренные в детском доме, постоянно проецируя их на настоящее.

Жизнь идет по плану, и все ходы записаны

В первый же день, как только мы оказались с дочкой дома, она построила у себя в комнате подобие пьедестала из диванных подушек. Восседавая на этой конструкции (когда я ее увидела, мне почему-то сразу вспомнилась первая встреча Евгения Леонова со своими сокамерниками в «Джентльменах удачи»), моя дочь представила почти предвыборную депутатскую программу нашей будущей жизни. Она заявила, что у нее все рассчитано и что все должно идти по плану. Разумеется, по ее плану. И дальше, ловко загибая свои пальчики, она объявила, что я должна завтра купить ей мобильный телефон, послезавтра я должна буду ей купить компьютер. Еще ей нужно много конфет, сладостей, «лизунов», и что скоро нам пора будет ехать в Египет. Моя дочь уверенно произнесла свою речь, совершенно ошарашив меня. Я едва сдержала то ли смех, то ли слезы, и единственное, что позволила себе сделать, так это с огромной силой выдернуть из-под нее самую нижнюю подушку. Дочка полетела на пол кувыркком. Оказавшись на полу, она растерянно смотрела на меня. В это время я произнесла: «Так вот зачем тебе нужна была мама? А я думала, что мы нужны друг другу, чтобы любить и помогать». Потом я как можно более спокойным голосом сказала, что иду на кухню готовить ужин и прошу ее подумать, зачем ей нужна я, то есть мама.

* * *

- Мама, а что такое «ежовые рукавицы»?
- Это когда строго относятся к человеку и не дают ему делать что-то беззаботное или дурацкое. А где ты услышала такое выражение?
- В детдоме.

* * *

- Мама, а как понять «держат в черном теле»?
- В черном теле? Может быть, это не кормить сладким и вообще заставлять довольствоваться малым, только самым необходимым, не позволять излишеств и не давать стремиться к удовольствиям?
- А ты собираешься меня «держат в черном теле»?
- Я собираюсь относиться к деньгам и вещам бережно и покупать только то, что нужно. Сладости и фрукты лично мне нужны. И тебе они тоже нравятся. А всякие чупа-чупсы и чипсы мне не нужны, и мне все равно, нравятся они тебе или нет. Их я покупать не намерена! А ты как думаешь, что такое «черное тело»?
- Мне девочка одна рассказывала в детском доме, но я забыла.

* * *

- Мама, а когда ты меня начнешь бить?
- А что, я должна тебя бить?
- Нам в детдоме много раз говорили, что если мы будем себя плохо вести, то нас будут бить.

– А хорошо себя вести ты не пробовала?

** * **

– Нет, мне интересно, как ты меня будешь бить? По лицу? Как моя прошлая мама?

– А что – если я не буду тебя бить, то не смогу стать твоей настоящей мамой? Если честно, мне не нравится, что ты всячески стараешься нарваться на грубость. Скажи, я выгляжу как грубая женщина?

– Нет, ты у меня очень умная!

– Тогда зачем мне тебя бить?

– А как же тогда? Я ведь плохо себя веду, да?

– Да, иногда ты злобное существо и тебя хочется придушить. Иногда ты слон, топачущий и орущий. Но иногда ты добрая и отзывчивая. А еще ты очень смысленная!

– Да, я ужасно топачу!

– И еще ты здорово решаешь головоломки!

Телевизор, враг мой

Откуда я узнала о жестоком обращении с детьми из детского дома? Я знаю о том, что показывают по телевизору, не потому, что я его смотрю. Нет. Лично я телевизор не смотрю вообще. Новости я узнаю в интернете, которому тоже доверяю все меньше и меньше. Однако не проходило и недели, чтобы мне в тревоге не позвонили мои мама или подруга и не рассказали новую жуткую телевизионную историю о том, какой кошмар произошел с очередным детдомовским ребенком. Когда ты лично не погружаешься в проблемы воспитания приемных детей, тебе не кажется, что передач на темы, связанные с детскими домами, много. Но похоже, что эта тема на ТВ укоренилась. И укоренилась уродливо. Потому что в тревоге и беспокойстве нет ничего действительно доброго, ценного и полезного. Если в задачу «людей из телевизора» входит превращение нормальных людей в невротиков, то им это удается слишком хорошо. Но лично мне неприятна сама мысль о том, что «важные» персоны обсуждают людские беды. Не потому, что они в них не разбираются. А потому что они в принципе не собираются в них разбираться. Впрочем, это на их совести. А я как могла, так и снимала тревожное состояние моих близких и родных в эти и без того беспокойные дни. Поверьте, телевизионные страхи слабее реальных во сто крат. Потому что они быстро забываются, как плохой сон. Но реальные страхи остаются и ждут своего часа, чтобы захватить твое сердце.

Телевизор – поглотитель времени. Я очень хорошо понимаю тех родителей, которые облегченно вздыхают после того, когда их дети усаживаются перед телевизором. «Наконец-то, – думает мама, – я по-настоящему отдохну от шума игр, бесконечной возни и вопросов». Какое-то время и я наслаждалась этим. Но телевизор оказался «бесплатным сыром в мышеловке». Потому что моя дочь, как только в ее руки попадал пульт от телевизора, полностью, с головой уходила в него. А включала она телевизор каждую якобы свободную минутку. Например, мы пришли домой. Я переодеваюсь и иду на кухню готовить обед. Через полчаса я зову свою дочку обедать, а от нее ни слуху ни духу. Я иду к ней в комнату, и что же я там вижу? Моя доченька сидит в наполовину снятых штанах и смотрит телевизор, свитер валяется на полу. Она даже не переоделась еще. Я подхожу и прошу дочь переодеться, так как обед готов. Она автоматически отвечает, что обязательно, вот только досмотрит мультики. Я стою

напротив нее, а она просит меня отойти, так как я загораживаю ей экран. Все мои уговоры натываются на плотную стенку отмашек и обещаний. В конце концов мне надоедает быть незадачливым конкурентом мультиков, и я выключаю телевизор, чем вызываю море якобы справедливого гнева. С горем пополам дочь выполняет мою просьбу и начинает переодеваться, идет мыть руки, садится за стол... А в ее глазах и во всем внешнем виде сквозит недовольство мной, тем, что я ее оторвала от любимого дела. Под таким «соусом» из раздражения и злости любой обед будет «неинтересным».

Спустя какое-то время я завела с дочерью разговор о том, что не хочу конкурировать за ее внимание с мультиками и бесконечными сериалами. По телевизору всегда найдется что смотреть. Дочь у меня одна. И я у нее одна. А получается, что между нами стоит пресловутый телевизор! Моя дочь не вникала в проблемы, которые я с ней пыталась обсудить. И в один прекрасный день (поверьте, этот день был прекрасен не только тем, что небо было голубое) я решила выключить телевизор на всю неделю. Я вынула штекер из гнезда на задней панели телевизора и объявила своей дочери, что с сегодняшнего понедельника она не будет иметь возможности включить телевизор. Я заявила, что шнур от телевизора дочка получит в субботу утром. И на все выходные. А утром в следующий понедельник я опять увезу шнур на работу, где теперь он будет «жить» в течение рабочих дней.

Как ни странно, дочь восприняла мои условия спокойно, без истерик. Первая же неделя без телевизора прошла очень душевно. Теперь после завтрака моя дочь спокойно сидела за столом, и мы могли повторить выученное стихотворение, разыграть диалог на английском языке. Потом дочка стала более внимательно собирать в школу свой портфель. В дневнике постепенно становилось меньше записей красными чернилами. Было такое ощущение, что появилось огромное количество времени для творчества и общения. У нас появилась традиция после ужина играть в шашки. Мы с удовольствием собирали полуторатысячные пазлы под песни «Нашего радио». Причем у моей дочери не было даже импульса посмотреть в сторону стоящего рядом телевизора и заныть, что, может, я могла бы дать ей шнур хотя бы на сегодняшний вечер. Я думаю, знание того, что шнуры от наших телевизоров находятся не дома, а на работе, сыграло положительную роль. К тому же дочка смогла быстро успокоиться, убедившись, что в нашей квартире шнуров нет. Она перевернула всю квартиру, но ее поиски не дали результатов. Так что в течение недели мы жили в трудах и творчестве.

Я всячески поощряла усердные рукодельные занятия: накупила бисера, красок, тканей и много милых вещиц для вышивания. Через какое-то время дочь призналась мне, что телевизор занимал ее внимание и похищал время: занятия по флейте и сольфеджио, тренировки по большому теннису не оставляли нам много времени на домашнее творчество. Но такое идиллическое настроение у нас возникло далеко не сразу. И мы очень рады тому, что оно есть у нас сейчас.

*Проснувшись утром,
Дочь примеряет роли.
То змеи-гадюки,
То труженицы-белки.
Еще не доросла до себя!*

Жизнь как чаша, полная слез

Я иногда задумывалась: что означает выражение «жизнь как полная чаша»? Понятно, что люди хотят достатка и благополучия. Представим себе, что это чаша весов. Если одна чаша наполнена, то что в другой? Неблагополучие? Если противоположная чаша – пустая, то чаши

находятся в максимально противоположном положении по отношению друг к другу. Никаких колебаний не происходит.

Моя жизнь в этот период представляла собой постоянное колебание чаш весов. Весы как будто не могли утихомириться, принять какое-то определенное положение, ибо вторая чаша пустой не оставалась. Пусть положение чаш будет разным, но хорошо бы, чтобы оно было стабильным. А стабильным оно не желало становиться ни за что! Это лишало мою жизнь всякого спокойствия.

Домашняя жизнь моей дочери была беспокойной, импульсивной, агрессивной, громкой, с плачем – в общем, очень разной. Таковой становилась и моя жизнь, поскольку малейшие колебания приводили к эмоциональному взрыву. И единственным, что позволяло чаще весов просто непринужденно раскачиваться, было сопереживание дочери, сочувствие ее состоянию в моменты эмоциональных взрывов. К ним нельзя было подготовиться, они всегда были неожиданными. Невозможно было предположить, что совместный просмотр мультфильмов «Бемби», «Спирит» или «Вольт» приведет к безостановочным рыданиям. И я могла только плакать вместе с дочкой, пока все ее слезы не иссякали, а нас не покидали силы. Мы наполняли противоположную чашу слезами. Я могла лишь надеяться, что рано или поздно такое состояние приведет к катарсису.

Молчи, несчастная!

Через некоторое время я стала специально рыдать громче своей дочери. Я выдавала своим громким от природы голосом такие душераздирающие звуки, что моя дочь была в шоке. Я решила так поступить, когда почувствовала, что дочь уже не хочет рыдать, но сама себя не отпускает и как бы цепляется за свое нытье. Тогда я стала намеренно передразнивать ее. Поначалу это приводило ее в бешенство. Но я упорно раз за разом «зеркалила» ее фальшивые завывания, намеренно доводила их до фарса. Я научилась отличать искренний плач от демонстративного. Первому состоянию я сопереживала и всячески пыталась его поддерживать нежностью, пониманием, ласковыми словами. Со вторым боролась актерскими методами, гиперболизируя завывания и стенания, превращая их в жуткий и отвратительный спектакль. Я хотела, чтобы моей дочери самой стало тошно и противно от фальшивых слез.

В результате я научила свою дочь плакать тихонько, почти молча роняя слезы. Я не позволяла дочери во время рыданий заниматься жалением себя и на все стенания о том, как же ей не повезло в жизни и как ее незаслуженно обидели, я тихо говорила: «Молчи, несчастная!». Я не помню точно, из какого фильма я взяла эту фразу, но она действовала на мою дочь. Завывания и стенания достаточно быстро, всего за год, превратились в тихую грусть и печаль, которую мы переживали вместе, как что-то нужное и неизбежное.

*Камень холодит
И успокаивает слезы.
Когда я вырасту,
Из слез уйду в молчание.
И буду греться на песке!*

Великую силу искусства мы благодарим постоянно. Она не только лечит глубокие раны, но и дает возможность душе пережить колебания чаш весов. Колебания без надежды на остановку. Дорогие родители, смотрите вместе с ребенком мультики, фильмы, переживайте вместе, и это будет таким мощным воспитательным процессом, что любая фальшь отстанет от вашего ребенка. А то, что фальшивых плакс полно на белом свете и без детских домов, я знаю определенно.

Возрастной регресс

Маленькое Я

Регресс был ожидаем. Я не знала, как и когда, но понимала, что моя дочь будет регрессировать. Еще бы! Одиннадцатилетняя девочка приезжает в совершенно незнакомый город с незнакомой тетей, которая является единственным проводником в ее новой жизни. Испугается кто угодно.

Самый удобный способ начать осваивать пространство – стать маленькой! Все маленькие детки ничего не знают об окружающем их мире. И они без какого-либо понимания осваивают его – в первую очередь физически, а уже потом – эмоционально и интеллектуально. Поэтому дочка стала лазить по нашей квартире на четвереньках и чувствовала себя при этом комфортно, даже порой радостно, а ходить резко отказалась. Даже на кухне, чтобы сесть за стол, она сначала вползала под него и только потом переползала с пола на кресло.

Проблему возрастного регресса я не считала сложной. И меня не шокировало ползание дочери на четвереньках. Но меня пугало то обстоятельство, что дочка очень часто произносила слово «плохая». Шнурок на кроссовке развязался – «плохая». Мыло убежало из рук – «плохая». Тетрадка не находится – «плохая». Я прошу читать – «плохая». На завтрак манная каша – «плохая». Короче, ничего хорошего! Если что-то не так, если дочурка не может сделать что-то сразу или если она это не любит (а не любит она все, чего не знает и чего никогда не пробовала), – то все это тут же приобретает статус «плохая». Причем независимо от одушевленности и именно в женском роде. На все моя дочь реагировала одним словом, сопровождая его надутыми губами, сдвинутыми бровями и злым взглядом исподлобья. Она уползала под стол, хоть компьютерный, хоть обеденный, или зарывалась в подушки. Рано или поздно переизбыток плохого настроения за счет реакции «плохая» заканчивался слезами и истерикой. И такая ситуация, когда в подростковом теле почти двенадцатилетней девочки жило несоразмерное ее годам детское «Я», сильно меня изводило. По сути, моя доченька была маленькой девочкой с удивительно большим телом.

Я объясняла дочке, что шнурки никакие не «плохие», – это просто шнурки, которые нужны для того, чтобы кроссовки не слетали с ног, когда моя доченька будет в них быстро бегать или ловко прыгать. Я объясняла, что мыло не может быть «плохим», – оно само по себе скользкое, есть даже такая загадка: «Ускользает как живое, но не выпущу его я, дело ясное вполне – пусть отмоет руки мне». Моя дочь внимательно слушала загадки, так как любила их. Еще она очень любила стихи, поэтому с манной кашей я справилась с помощью песенки Вероники Долиной и рассказа Драгунского «Все тайное становится явным» о том, как мальчик выкинул манную кашу в окно и она упала на фуражку милиционеру.

Надо сказать, что мои объяснения принимались только в форме сказок, басенок или рассказов от лица тех предметов, которые моя дочь усердно обзывала «плохими». Я никогда в жизни не придумывала столько историй на тему того, что думают шнурки, тетрадки и кружки о том, как с ними обращается такая замечательная девочка – моя дочь. И уж конечно, мне пришлось стать главным действующим лицом в рассказах о себе самой. Все же творчество – это потрясающий вирус! Если поселится, то надолго! И в это время нам самим было весело и не скучно. Мы гуляли и сочиняли рассказы и стишки, а реакция «плохая» все больше приобретала оттенок равнодушного автоматизма. Брови хмурились реже, губы кривились не так сильно, а тельце переставало прятаться под столом.

Однако и от автоматизма быстро избавиться невозможно. Как только я почувствовала, что слово «плохая» выскакивает без примеси злобы, раздражения или агрессии, я вообще перестала обращать на него внимание.

У кротона сильные листья

Мне хотелось купить для своей дочери растение, чтобы она могла ухаживать за ним и вместе с ним расти. Поскольку ей скоро исполнялось двенадцать лет – на мой взгляд, это уже достаточно осмысленный возраст, – мой выбор пал на растение под названием кротон. Я выбрала в магазине самое сильное, по моим ощущениям, деревце. У него были большие разноцветные листья: от желтого до зеленого, от розового до свекольного. Они были резными и красиво очерченными каймой, внутри листьев были четкие прожилки. А еще у выбранного мной кротона было много только-только появившихся на свет маленьких листочков, которые вполне соответствовали маленькому «Я» моей взрослеющей дочурки.

Я принесла кротон и определила ему местечко на подоконнике у компьютерного стола, за которым дочь делала школьные уроки и мои задания. Надо сказать, что никаких восторгов не последовало – дочка просто не заметила новое растение в своей комнате. И мне пришлось обратить ее внимание на сильные листья с четкой структурой прожилок, на разные цвета, которые гармонично сочетаются на одном растении, на маленькие растущие листочки. Если честно, я очень надеялась, что моя дочь возьмет под свое крылышко это удивительное растение. Но мои надежды были напрасными. Дочка, видимо, сама еще нуждалась в опеке и не была настолько самостоятельна, чтобы заботиться о чем-то живом. Хотя разговоров о щенке, да и просьб о котенке было много. Это притом, что с нами жила потрясающая кошка Тигра.

А к кротону я навещала в гости. Я любовалась тем, как раскрываются его листочки. Поливала его, протирала большие резные листья и приговаривала хорошие слова. Все это я делала в присутствии своей дочери. Иногда она с удовольствием принимала участие в уходе за нашим кротоном. А иногда была увлечена чем-то своим и только краем глаза наблюдала изда-лека за моими действиями. Так или иначе, кротон до сих пор остался нашим общим цветком и не перешел под «юрисдикцию» моей дочери, хотя и живет на ее подоконнике.

*Елочка мне
Обещала выжить. Дала корни.
Но через месяц засохла.
Не смогла
Без глины и далеких холмов!*

Искусственный мир

Иногда взрослый человек становится жертвой своих же заблуждений, не основанных ни на чем конкретном. Так, почему-то бытует устойчивое мнение, что если человек долгое время был обделен лаской и вниманием, не был окружен заботой и теплотой, то у него эта потребность обязательно должна реализоваться в обратном действии – то есть он будет с упоением ухаживать за кем-то или чем-то, нуждающимся в его внимании и уходе, потому что по себе знает, как это плохо, когда тебя бросили или не уделяют внимания.

По моему опыту, эти вещи оказались не связаны друг с другом. Более того, я убедилась, что обделенный заботой человек понятия не имеет не только о том, как ухаживать за другими, но и о том, как проявляется человеческая забота в принципе. Откуда возьмется желание сделать что-то хорошее для другого человека? Понимание того, какой уровень заботы нужен тому

или иному живому существу? Как помнить о том, что рядом с тобой – целый мир, за которым нужно ухаживать? И когда это делать? Все эти вопросы получают свои ответы лишь с опытом.

Мы, горожане, живем в очень оторванном от природы мире. Мы не топим печь, не разводим огонь в камине, чтобы согреться. Мы живем в квартирах, а не в домах. Не сажаем растения и деревья вокруг многоэтажных домов, потому что не считаем это пространство своим. Наш мир намного искусственнее, чем мы о нем думаем. Если мы вообще думаем. Поэтому опыт ухода и заботы у нас тоже совершенно неестественный. Безусловно, мир вокруг нас меняется. Но отношения между людьми не становятся теплее, добрее, милосерднее. Потому что для нас становится неестественной забота о близких, так же как и о братьях наших меньших. Потому что ребенку нужно сотню раз напомнить о том или ином действии, чтобы это действие не просто вошло в привычку, но стало потребностью окружать себя растениями и животными!

На все нужна внутренняя энергия, которая осознанно выделяется самим человеком, потому что только тогда действие становится осмысленным. Состоятельные люди предпочитают покупать энергию в виде услуг по уходу за аквариумами, выгулу собак и т. п. Но от этого потребность делать окружающий мир добрым, отзывчивым, чувствительным не возникает и в принципе не может возникнуть. А профессиональные услуги по уходу, заботе о живых и неживых с каждым годом становятся все более востребованными и все более высокооплачиваемыми. С одной стороны, люди в искусственном мире нуждаются в теплоте и внимании. С другой стороны, они все меньше учатся заботиться сами и все меньше наставляют и учат своих потомков заботиться о том мире, в котором они живут сейчас и будут жить дальше.

«Тренируйтесь на кошках»

Знаменитая фраза Бывалого «Тренируйся на кошках» не случайна для советского периода. Как научить ребенка тактичности, самостоятельности, своевременности, нежности, терпеливости и многому другому? Как воспитать в ребенке «золотой» характер, чтобы он мог и свои интересы реализовать, и интересы других учесть; чтобы ему было легко сотрудничать, взаимодействовать, понимать других людей? «Тренируйтесь на кошках» – это очень осмысленный совет, если отнестись к нему серьезно. В нашем мире почти не осталось места живой, естественной природе. Скорее, мы стремимся к экзотике Красного моря, к содержанию совершенно не свойственных нашему климату редких животных, чем к обычному, но ежедневному проявлению любви и тепла к тому, что нас окружает.

Пока никакой осмысленности в действиях дочери не наблюдается. После напоминания она может полить кротон, убрать за нашей кошкой Тигрой. Но самостоятельно моя дочь этого не сделает, даже если ее кошка попросит! Даже если на глазах дочки будут падать один за другим листья кротона, ей не придет в голову его полить. Инициатива в таких делах – следствие душевного воспитания. Либо ребенок откликается на потребности живых существ и удерживает сознательно в своем внимании их мир, либо мы, родители, обречены сотни раз напоминать своим детям о том или ином необходимом действии. А выполнят ли они нашу просьбу через несколько лет? Лично я не уверена.

Когда ребенок становится взрослым

Давным-давно я прочитала один фантастический рассказ, который меня очень удивил и заставил задуматься. В нем земляне прилетели на другую планету. И инопланетяне посадили их в клетку. Люди возмущались таким отношением к ним. Потом оказалось, что и в клетке можно жить. Люди жили в клетке, а инопланетяне за ними наблюдали. В один из дней люди поймали мышку. Что же они сделали? Соорудили клетку и посадили в нее мышку. И сразу

были выпущены на волю инопланетянами, так как этим действием доказали инопланетной расе свою разумность.

Я думаю, что родители и дети – как разные расы в этом фантастическом рассказе. А воспитание – это процесс не только пассивного наблюдения, но и активного создания ситуаций различной сложности. Дети живут «в клетке», а родители наблюдают, как они справляются с жизненными ситуациями. Что такого должны сделать дети, чтобы родители осознали, что их чада повзрослели, выросли? Какое действие детей должно продемонстрировать родителям, что они готовы к вольной жизни и пора их выпускать на свободу?

Лично для меня доказательством взрослости является ответственность. Пока ребенок отвечает на мои вопросы в разных ситуациях: «Не знаю», «Это не я», «Плохая», «Я ничего такого не делала», «Мне все равно!», «Ну и что?», «А что здесь такого?» и т. п. – это означает, что я, как родитель, не подготовила своего ребенка к взрослости, не смогла организовать в его жизни такие ситуации, в которых он смог бы научиться брать на себя ответственность и признаваться, что именно он, а не кто-то другой в этой ситуации схалтурил, солгал или просто забыл. Хотим мы того или нет, но именно забота и ответственность являются мерилami взрослости и ключами к свободе ребенка от родительской опеки.

Мы с моей дочуркой должны пройти еще огромное количество ситуаций на пути выращивания ее маленького «Я». Но, как говорится, правильно поставленный вопрос приводит к правильному ответу.

Полоса препятствий

Мой ребенок в неплохой физической форме. Все-таки быстро и шустро ползать на четырех конечностях не каждому дано. Дочка напоминала хорошо тренированную обезьянку. Она за все цеплялась и передвигалась немного боком. Когда в школе за ней закрепилась эта кличка – Обезьянка, – моя дочь обиделась.

Надо сказать, что осваивать школу мы начали со школьного двора, а именно – с полосы препятствий, которая была построена на школьном стадионе. Дочь очень хотела научиться ее проходить, особенно разрушенный мост и лестницу. У меня глаза закрывались от страха, когда моя доченька лезла на тонкие бревна, да еще и перепрыгивала с одного бревна на другое, преодолевая немаленькое расстояние на приличной высоте. Каждый раз, когда мы проходили мимо, дочка спрашивала у меня разрешения пройти полосу «докуда смогу». И каждый раз с замиранием сердца я разрешала, приготовившись ее ловить или как-то поддерживать при возможном падении. Но она отлично научилась проходить полосу: и лабиринт, и мост, и барьер, и окно. Загвоздка была только в горизонтальной лестнице. Руки были слабоваты: она висела на перекладине, и любая попытка одной рукой ухватиться за следующую перекладину заканчивалась неудачей. Дочь потирала руки и говорила: «Ничего, ничего, вот завтра я тебе задам!»

Как правило, после школы многие дети «застревают» на школьном стадионе, чтобы погонять мяч, полазить, побегать, повисеть – в общем, размяться после сидения за партой. Моя дочь очень внимательно смотрела, кто как лазит. И один мальчик ей показал, как проходить лестницу. Он раскачивался всем телом, и это помогало ему дотягиваться до следующей перекладины. Моя дочь быстро освоила эту технику и ловко прошла пять или шесть перекладин сразу. Это была победа. С одной стороны.

А с другой стороны, такая жажда спортивных достижений сильно отдаляла ее от девочек в классе. И поскольку моя дочь вообще не была похожа на девочек из класса, а к мальчикам она относилась изначально с изрядной долей презрения, то в классе ей было действительно одиноко и страшно. А тут еще и такая кличка за ней закрепилась – Обезьянка. Для ученицы четвертого класса это была слишком детская кличка, она напоминала скорее детский садик, чем школу.

Дочь сильно переживала по этому поводу и каждый раз, когда она после школы ловко и шустро проходила полосу препятствий, мы с ней обсуждали, что такое прозвище, скорее всего, обозначает ее преимущество. Ничем другим в школьной жизни дочь похвастаться не могла. А после того как несколько человек похвалили мою дочь за ловкость в прохождении лестницы на спортивной площадке, она наконец-то расслабилась и перестала обижаться на прозвище Обезьянка. И, конечно, очень скоро ее перестали так называть.

Мы с дочкой много занимались физическими упражнениями. Для того чтобы хоть как-то укрепить вестибулярный аппарат, она крутилась на круге, стояла на одной ноге с закрытыми глазами, висела вниз головой. Чтобы сформировать уверенность в себе, мы отмечали позитивную динамику успехов дочери в прохождении лестницы и всей полосы препятствий в целом. Мы каждые выходные ходили на плотину, в детский городок – всюду, где были установлены более или менее сложные металлоконструкции, – и там занимались. За полгода моя дочь окрепла физически, выросла на 10 сантиметров и поверила в свои способности. И ее маленькое «Я» подросло.

Головоломки

Огромную роль в преодолении возрастного регресса сыграли головоломки. Надо сказать, что у меня, как у детского психолога, было много сделанных мною разрезных головоломок, которые дочка собирала почти маниакально. Было видно, насколько за все прошлые годы она истосковалась по интеллектуальным задачкам. Ее интеллект «страдал» из-за отсутствия базовых учебных навыков, таких как грамотное письмо и чтение. Если ребенок не умеет и поэтому не любит читать, то ему становятся недоступны многие интересные задачи, ребусы, загадки, задания.

Но для того чтобы сформировать, а потом и развить чтение и грамотное письмо, требовалось достаточно большое количество времени. С графическими головоломками же все было просто: для их решения читать не нужно; поэтому я остановилась на них. И здесь особую роль сыграли головоломки Красноухова. А когда моя дочь собрала сложнейшую головоломку «Золотая цепь» за полминуты, мы обе были счастливы.

Речевой регресс

Успешное решение головоломок и укрепление духа с помощью физических упражнений помогли нам справиться с возрастным регрессом. Но не со словесным. У меня было такое ощущение, что аудиальное развитие моей дочери застряло на уровне двухлетнего возраста (тогда она общалась с родной бабушкой). Именно с этого возраста мы и начали свое продвижение по линии времени.

Мы с дочкой договорились, что всю неделю дома (наши договоренности не касались школы, в которую надо было ходить независимо от наших намерений) она будет разговаривать как двухлетняя девочка. И я с ней стремилась разговаривать именно как с маленькой девочкой. Я надеялась, что ей самой надоест сюсюканье. Но я ошибалась. Моя дочь получала огромное наслаждение, когда говорила как маленькая и когда я обращалась к ней, как к маленькой девочке. Все домашние заботы легли полностью на меня. Я не могла попросить свою девочку почитать, могла только сама читать ей сказки, детские стишки, петь песенки.

Иногда я просила ее петь. Она делала это с удовольствием. Оказалось, что она знает много песен. Однако репертуар, естественно, был детдомовский. От «Жил на поляне розовый слон» до «Ведь так не бывает на свете, чтоб были потеряны дети». На этом фоне особо выделялась песня про дельфина. Почти каждый день моя дочь, как нищенка в метро, жалобным детским голоском пела мне о том, как у дельфиненка умерла мамочка. При этом эмоциональное

состояние дочери было радостным, близким к эйфорическому. Она радовалась жалобности и плаксивости самой песенки и во все глаза смотрела, какой ужасающий эффект производила на окружающих. Это бесило меня больше всего! Моя дочь буквально доводила до белого каления этой песней меня и моих друзей.

Так проходила неделя за неделей. Вот мы договорились, что моей дочке уже три годика. А вот она выросла, и ей уже пять лет. Я показывала свои детские фотографии, где мне было столько же лет, чтобы она хотя бы понимала, о каком возрасте идет речь и что может в таком возрасте ребенок, а чего еще не может. А песня о гибели матери дельфиненка все пелась и пелась.

На седьмом году жизни (мы с дочерью договорились, что теперь будем за неделю преодолевать по два года жизни) я взбунтовалась и предложила своей «первокласснице» выбор: либо поставить песню под запрет, либо переписать ее слова, чтобы мама была. Дочь сказала, что перепишет слова. И как-то раз она пропела мне на этот же жуткий мотивчик песню про дельфиненка, у которого мама нашлась! Это было самое великое достижение за первые полгода нашей общей жизни. Больше моя дочь не пыталась петь эту песню дома. Но на летних каникулах в туристическом лагере она «порадовала» у костра всех детишек и взрослых своей песенкой. Об этом событии мне рассказала руководитель лагеря. Видимо, в незнакомой обстановке моя дочь не могла отказать себе в удовольствии смутить всех «домашних» детей и взрослых этой шокирующей подробностями слезоточивой песней.

Как только дочери «исполнилось семь лет», я взялась за прохождение школьной программы. Мы начали с первого класса и параллельно со школьной программой четвертого класса проходили дома программу первого, а потом второго и третьего классов по русскому языку. С математикой дело обстояло не так плохо, и я сконцентрировалась на грамотном письме и чтении. Как я уже отмечала, школьные навыки сформированы не были. Моя дочь писала левой рукой. Почерк был невыносимо коряв. При подобных нарушениях эмоционально-волевой сферы какой еще может быть почерк?!

Однако сложности были не только в том, что моя дочь писала буквы некрасиво. Одна из важных проблем была связана с отсутствием внутреннего контроля в принципе: и визуального, и аудиального, и кинестетического. Если моей дочери нужно было написать слово из трех букв, то она могла его написать некрасиво, но было понятно, что это за слово. Если в слове было больше трех букв, то слова не было вообще – был набор непонятных каракулей.

Таким образом, я понимала, что отставание в речевом развитии основано, во-первых, на отсутствии внутренней речи, с помощью которой ребенок не только сам себе диктует слово по буквам или по слогам, контролируя свое письмо, но и в принципе осуществляет самоконтроль и самоподдержку. Во-вторых, связь между визуальной, аудиальной и кинестетической системами восприятия не была сформирована, т. е. ее руки писали сами по себе, глаза во время письма смотрели непонятно на что, уши и рот тоже не помогали рукам писать. В-третьих, проблема усугублялась сильнейшим зажимом в области горла, из-за чего затруднялись и формирование навыков чтения, и сама речь. У моей дочери была очень хорошая аудиальная память. Но даже выучив стих наизусть, она не могла рассказать его так, чтобы получить положительную оценку, – она постоянно запинаясь, сглатывала и поэтому делала огромные паузы: никакой поэзии в таком исполнении не было.

С сюсюканием и коверканием слов мы едва справились. Но на возрасте первоклассницы остановились. Влипли мы крепко. И я поняла, что начинать надо вообще с азов – с дыхания: пока мы не уберем ком обиды в горле, моя дочь не сможет нормально говорить и читать. А пока она не может говорить без сбоев, она не будет грамотно писать. Поэтому школьные трудности я также разделила на части. И для каждой части появились свои правила.

Этапы преодоления речевого регресса: дыхание. Итак, мы стали заниматься дыхательными практиками. В принципе, многие, даже взрослые люди дышат таким образом, что при вдохе живот втягивается, а при выдохе наполняется. Конечно, правильно дышать следует наоборот: при вдохе живот расширяется и наполняется воздухом, а при выдохе он втягивается. У моей дочери вдох был коротким, плечи при этом поднимались и зажимали горло. Воздух застревал на уровне горла и до живота вообще не доходил. Следовательно, живот в дыхании не участвовал. При таком коротком вдохе говорить длинно и гладко просто невозможно. Поэтому речь ее была прерывиста, звуки не дотягивались, не договаривались и не допевались. Усиленный нажим на первые слоги и «проглатывание» последних слогов (окончаний слов) – эта техника речи, чтения, пения кочевала от слова к слову. Естественно, такая внешняя речь не помогала ни работе над каждым словом при письме, ни нормальному согласованию падежей, окончаний и т. п.

После первых же попыток я поняла, что занятия дыхательными практиками не пошли. Моя дочь делала правильно первый вдох, но уже на втором плечи опять поднимались и дыхание глубже не проходило, а живот, как полагается при вдохе, не наполнялся воздухом. Дело в том, что ребенку трудно действовать только из одного абстрактного понимания, что дышать надо правильно. Нужно было найти поверх «надо» интересный смысл для правильного действия.

Ах, флейта, флейта – продолжение горла...

Проще говоря, ребенок будет упорно заниматься дыханием для чего-то – скажем, для того чтобы играть на флейте. С началом обучения игры на флейте дыхание изменилось. Учительница – молодая девушка – объяснила и показала, как нужно дышать, чтобы флейта звучала красиво и сильно. Сначала моя доченька тянула нотку на флейте на два счета. Это очень мало. Но мы занимались. Через несколько недель она вытянула нотку на три счета. При этом я тянула ноту на двенадцать-тринадцать счетов. Мой пример вдохновлял дочь. Мы вдвоем учили ноты и расположение пальцев на клапанах флейты, вдвоем учились дышать, – и это радовало нас и окрыляло. Сама флейта была окутана волшебством. А мы, играющие (это пока громко сказано – просто извлекающие из нее звуки), смотрели друг на друга сияющими глазами, особенно когда звуки получались чистыми и соответствовали октавам.

Этапы преодоления речевого регресса: обида. Параллельно с игрой на флейте мы прорабатывали обидные события из прошлой жизни моей дочери, до которых раньше и дотронуться не могли! Чем глубже дышала моя дочь, тем больше «открывалось» ее горло. Чем дольше она держала нотку, тем больше удовольствия мы получали от игры на флейте. И тем раннее и чувствительнее она становилась по отношению к воспоминаниям о своей прошлой жизни. Несмотря на это, именно в такие минуты дочка могла хоть что-то рассказать о том, что с ней происходило там, в далеком темном прошлом. И если раньше она просто давилась слезами, мычала и судорожно всхлипывала, то теперь слезы могли градом катиться по щекам и литься свободно. В такие моменты мы сразу вспоминали о правильном дыхании, научившись сочетать глубокие вдохи и выдохи с градом слез.

Постепенно зажим в области горла стал уже не таким сильным, и речь, хоть и жутко сбивчивая (окончания по-прежнему глотались, а то и прихватывали всю вторую половину слова), стала возможна!

*Доченька к флейте
Губами приникла.
Сосулька упала.
На ладошке растаяла.
Полным вдохом живи.*

Проблески правды на пути прощения

Появились первые проблески правды. Если раньше моя дочь ловко придумывала себе прошлое и частенько фантазировала на эту тему, то теперь чаще стала говорить о своих истинных переживаниях. Возможно, реальные события происходили не совсем так, как рассказывала о них моя дочь. Я это учитывала, но для меня было важнее всего само чувство, само эмоциональное состояние дочки в настоящее время. Мне было не так важно, осознанно ли хотели люди из прошлого обидеть этого ребенка или он сам обиделся. Важна была только его реальная обида. И самым главным был путь прощения. Я просила свою дочь простить всех людей, которые ее когда-то обижали. Мы не искали виноватых. Я отметала любую мысль о том, что моя дочь была незаслуженно обижена и все вокруг только и делали, что вредили ей. Я также пресекала разговоры о том, что дочка вела себя плохо и заслужила плохое обращение с ней, а люди правильно делали, что били ее и оставляли одну.

Я изначально не становилась ни на одну из сторон этих баррикад обиды, потому что у меня была своя сторона – это наша настоящая жизнь с дочерью. Я осознанно не впадала в состояние справедливого гнева: «Как они могли!», хотя удержаться от этого было непросто. Конечно, получаемая информация меня и шокировала, и возмущала, и удивляла, но я стойко решила запретить себе оценку того, что происходило с моей дочерью раньше. Я была твердо убеждена в том, что для нас имеет значение лишь наше настоящее и то, с какой силой чувств моя дочь переживает свою прошлую жизнь. Я помогала дочери разбираться в своих настоящих чувствах, смотреть на них, анализировать свое собственное поведение, а не впадать в злобу и ненависть к тем, кто не имеет сейчас никакого отношения к ее жизни. Я усердно просила свою дочь простить их. Не сразу и не всех. А каждого и честно. Мы вместе по возможности пересматривали все болезненные ситуации из прошлой жизни дочери и прощались с ними.

Некоторое время моя дочь хотела злиться на них. Я это не поддерживала и объясняла, что злость отравляет нашу с ней настоящую жизнь; много говорила о том, что у каждого человека своя правда, свой взгляд на то, что происходило давным-давно. Эти правды могут не совпадать. И мнения людей тоже расходятся по одному и тому же вопросу. Я никого не собиралась оправдывать – ни свою дочь, ни тех, кто был с ней рядом в прошлом. Я защищала наше настоящее, как могла. Поэтому я считаю этот период нашей жизни – с четвертого по шестой месяцы – самым тяжелым: мне приходилось двадцать часов в сутки и семь дней в неделю быть психологом, психотерапевтом, и лишь несколько часов в неделю на мою долю выпадала счастливая роль матери.

Постепенно роль матери меня радовала все чаще и чаще. Осталась роль «воскресного психотерапевта». Уж не знаю, почему именно воскресный день из прошлого моей дочери вонзился в наше настоящее истериками и агрессией, могу только догадываться. Но воскресенье мы взяли под особое наблюдение и старались как можно больше времени проводить в лесу, на плотине. Благо осень нас баловала, и мы с огромным удовольствием проводили все воскресные дни на природе: собирали грибы, разводили костер, просто сидели у воды, носились как угорелые по узким тропинкам желтеющего леса.

День рождения

Конечно, сам день рождения был ни при чем. Но вот его ожидание было потрясающе эффективным способом поставить жирную точку в работе над регрессом и вздохнуть с облегчением или по крайней мере насладиться заслуженным отдыхом, пусть и недолгим.

Надо сказать, что моя дочь на всех календарях, живущих в нашей квартире, жирным кружком отметила свой день рождения. Она мне каждый раз напоминала, что скоро будет

главный день в ее жизни. Возможно, день рождения был для моей дочери существенной, определяющей границей ее прошлого и нашего настоящего. В ее прошлый день рождения к ней в детский дом никто не пришел. Она ждала и надеялась, что о ней вспомнят, поздравят. Но этого не произошло. И, памятуя о своей горечи одиночества и брошенности, она все свои силы бросила на то, чтобы ее новый день рождения прошел как-то иначе. Моя дочь не знала, как она бы хотела провести свой новый день рождения. Единственное, что она знала точно, так это то, что она хочет получить в подарок мобильный телефон. На большее у нее не хватало ни опыта, ни знаний. Дочка понятия не имела, сколько нужно будет вложить своих личных усилий, чтобы ее день рождения прошел интересно и увлекательно.

Приблизительно за месяц до дня рождения я затеяла игру. Игра состояла в том, что как только дочка позволяла себе скатываться на детскую речь, я ей в такой же манере говорила: «Моя маленькая, я на день рождения подарю тебе красивый бантик и большую машину скорой помощи. Все дети обожают большие машины». Когда моя дочь в ответ кричала, что она не хочет большую машину, я ей говорила, что тогда ей нужно убедить меня в том, что она уже не маленькая девочка, мечтающая о красивом платьице или бантике!

Каждый раз на коверкание слов я утрированным родительским голосом рассказывала дочурке, что именно она получит в подарок на день рождения. А потом мы вместе смеялись. Потому что это действительно стало смешно. И если в первый раз моя дочь жутко рассердилась и бросилась на меня чуть ли не с кулаками, то на десятый раз мы хохотали над «пушистикami» и бантиками минут пять без остановки. Игра меня забавляла, хоть и нелегко было каждый раз экспромтом придумывать детские подарочки, которые приведут в восторг маленькую девочку. А сыграть это так, чтобы до самого часа вручения подарка моя дочь не была уверена, что она действительно получит мобильный телефон, а не «рюшечки в коробочке», было очень трудно. Мы за этот месяц ожидания не только существенно улучшили свое понимание друг друга, но и явно стали талантливее и чувствительнее!

Параллельно с игрой мы затеяли настоящую подготовку ко дню рождения. Я попросила свою дочь составить список гостей, чтобы определить количество приглашенных. Сначала моя дочь хотела пригласить просто «всех». Я не стала ее убеждать в том, что наша квартира не выдержит «всех». Я попросила дочку учесть тот факт, что день рождения приходится на каникулярное время, и поговорить с каждым гостем. Список гостей после разговоров с ее знакомыми приблизился к нулю. И дочь расстроенным голосом объявила, что никто из ее подружек во дворе прийти не сможет. Я поняла, что она готова более серьезно обсуждать приглашение гостей на свой главный день в жизни. Пока существовала стратегия приглашения «всех», понятное дело, не могла возникнуть стратегия выбора «некоторых, особо приятных и интересных».

Конечно, нам в каком-то смысле повезло. Я понятия не имею, как бы мы справились со стратегией «всех», если бы они сами не отказались стать гостями. Мы составили список детей, с которыми дочке было интересно. И даже обсудили, чем именно интересен тот или иной гость. Затем мы обсудили, что было бы интересно вместе сделать, во что поиграть. Оказалось, что лучше всего позвать всех в боулинг. Это оказалось делом очень простым: я случайно увидела объявление. Обратила на него внимание исключительно из-за грамматических ошибок. На красивом глянцевом листе бумаги с современным дизайном в модной салатово-фиолетовой гамме было написано: «Школьно-студенческий тариф». Я не смогла остановиться и прочитала этот текст до конца. А речь в рекламном проспекте шла именно о том, в чем я нуждалась, — об игре в боулинг. Достаточно было позвонить и узнать, что при предъявлении хотя бы одной справки из школы я заплачу за час игры в боулинг смехотворную сумму. Меня это устраивало. И я заказала две дорожки: детскую и взрослую.

Кроме боулинга, мы очень любили играть в шашки и уголки. Поэтому возникла идея провести турнир. Когда с играми появилась некая определенность, мы приступили к разра-

ботке меню главного дня жизни моей дочери. К этому времени дочка неплохо справлялась с блинами. Поэтому было решено напечь огромную стопку блинов. И еще очень хотелось пирожков. Поэтому мы купили слоеного теста и пять часов кряду накануне дня рождения пекли пирожки с разными начинками.

В свой самый главный день моя дочь сама встала в семь утра и на протяжении нескольких часов пекла блины! Это был ее личный подвиг. Она устала, но была очень довольна. День рождения удался на славу: мы здорово повеселились, как и планировали.

А в понедельник, в первый учебный день второй четверти, моя дочь рассказала мне следующее:

- Мама, у нас в классе появились две маленькие девочки.
- У вас новенькие в классе?
- Нет. Просто две мои одноклассницы сегодня говорили, как маленькие.
- Что же они говорили?
- Всякие муси-пуси-глупости. Как в детском саду!

* * *

Апрельским воскресеньем во вторую весну нашей жизни моя доченька написала:

«Жила-была однажды девочка, которая каждый вечер, когда надо было ложиться спать, становилась маленькой.

– Мама, – говорила она, – я стала муравьишкой!

И мама понимала, что пора укладывать дочь в постель.

А утром девочка просыпалась, едва всходило солнце. Но она по-прежнему была маленькой-маленькой, так что свободно помещалась на подушке. И еще место оставалось.

– Вставай! – говорила мама.

– Не могу, – отвечала девочка. – Я еще слишком маленькая, как бабочка.

А потом радостно воскликнула:

– Ну вот я и выросла!

И с веселым криком вскочила с постели. И начала новый солнечный день».

Мальчики, дедушка и Аватар

Будут знать!

Увидев девочек в классе у дочки, я сразу поняла, что подружиться с ними ей будет сложно. Все как одна светловолосые. Все худенькие, хорошенькие и парочка очень красивых. Несмотря на то что моя дочь была старше всех девочек почти на полгода, ростом она была намного ниже их. Кареглазая, черноволосая, чернобровая и активно-агрессивная дочь вообще никак не вписывалась в «образ девочки из 4 „В“».

Мальчишки же в классе были и худенькие, и маленькие, и толстенькие, и высокие, и черненькие, и русые. И я подумала, что с мальчишками моя дочь вполне может подружиться. По крайней мере, сама я с детского садика дружила только с мальчишками и была всю жизнь пацанкой. Да и чувствовала я себя в компании мальчишек более комфортно, чем в компании девочек. Хотя по жизни мне с подругами, как со школьными, так и с институтскими, повезло. Но я опять-таки ошиблась в своих предположениях. Потому что первое, что сделала дочь на

третий день своего пребывания в новом классе, – затеяла серьезную драку с мальчишками. Мне повезло, что инцидент произошел не в классе, и не в школе вообще, а на прогулке в школьном дворе. Была зима, огромные сугробы заметно смягчили падение, и куча-мала из моей дочки и трех мальчишек разошлась без травм и серьезных ушибов.

Надо сказать, что еще в детском доме моя дочь занималась карате. Никаких боев она не выигрывала, никаких поясов не заработала, да и на тренировки ее водили всего несколько месяцев. Но за эти несколько месяцев она научилась нескольким приемчикам, болезненным ударам и набралась амбиций «великого бойца». Вот этот «великий боец» и показал себя. До этого в 4 «В» классе никто серьезных драк не устраивал. Хотя некоторые мальчишки, как я позже узнала, тоже занимались в школе карате. А с появлением моей дочери мальчишки узнали, что девочка может и ударить. Как я уже упоминала, в этом классе девочки были скорее прилежными ученицами и красотками, нежели сорванцами и пацанками. И поскольку блеснуть знаниями дочка не могла, то блеснула своей агрессивностью, которой у нее было в избытке. Показав свою удалую молодецкую, дочь, с одной стороны, гордилась тем, что затеяла драку («будут знать, как меня Обезьяной называть»), а с другой стороны – обрекла себя на одиночество.

Так было и больше не будет

Моя дочь решила, что новая жизнь у нее будет отличаться от детдомовской. Очень правильное решение. Ибо ее жизнь в новом городе уже изменилась. Все мои попытки разговаривать дочку на тему мальчиков в первые шесть-семь месяцев нашей жизни были безуспешны. Дочь вообще очень редко говорила о детдоме спокойно, и чаще всего разговоры заканчивались рыданиями и завываниями, так и не начавшись. Конечно, я могла предполагать, что моей дочери в прошлой ее жизни здорово досталось от мальчишек. Но на данном этапе нашей жизни у меня не было возможности повлиять на ее поведение, кроме банальных разговоров о том, что драться не принято и что агрессией можно добиться только еще большей агрессии. Я приложила много усилий для того, чтобы переключить внимание «великого бойца» с драк на битву с ошибками и вообще на учебу. Мы героически сражались с собой, и поле наших сражений постепенно и неуклонно расширялось.

Только потом, летом, когда мы гостили у моих родителей на Украине, я смогла более обстоятельно разобраться с агрессией своей дочки, направленной именно на мальчиков, сыновей моего брата. Но это уже другая история.

Все мальчишки ленивы

Моя дочь продолжала меня удивлять. В качестве домашнего творческого задания по русскому языку ей задали написать рассказ по картинке. Проверяю то, что написала дочь. Обсуждаем ошибки. А ощущение неправильности меня не покидает, и я не пойму, в чем дело. Смотрю на картинку. Читаю рассказ. И мне становится очень смешно. На картинке мальчик лет одиннадцати помогает двум маленьким девочкам надеть лыжи – моя дочь написала, что девочка Маша помогает двум маленьким сестричкам надеть лыжи. На этой же картинке нарисовано, что мальчик лет семи катает на качелях девочку – моя дочь пишет, что старшая сестра Оля катает на качелях Леночку. И так еще два раза. Везде, где на картинке мальчишки помогают девочкам, в рассказе моей дочери помощницами выступают девочки.

Я спрашиваю у нее: почему так? Дочка совершенно искренне и убежденно сообщает мне, что художник и автор этого учебника наврали, потому что нарисовали неправду – мальчишки все до одного ленивы и никогда не совершают того, что на картинке нарисовано. А она, моя дочь, решила восстановить справедливость и написала все правильно, так, как действительно бывает в жизни.

Все мои разговоры о том, что если у нее в жизни так не было, то это совсем не значит, что этого не может быть в принципе, прошли впустую. Дочь смотрела на меня зло и высокомерно. У меня было такое ощущение, что еще чуть-чуть, и она бы меня спросила, а что хорошего сделали мужчины для меня в моей жизни? И где они, кстати говоря, такие добрые и отзывчивые? Да, возможно, я что-то не так сделала, что мне они в жизни не повстречались. Но позиции наши были диаметрально противоположны. Несмотря на то что я жила одна с дочерью и моя семейная жизнь развалилась, я точно знала, что мужчины бывают и трудолюбивые, и добрые, и отзывчивые, и еще много какие положительные. А моя дочь была твердо убеждена, что все мальчишки – ленивы и не способны на помощь, поддержку, внимание. Ей такие в жизни не встретились, значит, нет их и не будет. Что тут скажешь? Логично! И никакие слова в защиту мальчишек на мою дочь не действовали. В сердце моей доченьки была только злость на всех мальчишек на свете. Да и глупо надеяться, что в детском доме такие сложнейшие человеческие чувства, как любовь, доверие, уважение, смогут сформироваться без уродливых искажений и агрессивно-манипулятивных моделей поведения.

День защитника Отечества

Но что-то же надо было делать! Я чувствовала, что мои отношения с дочкой каким-то глубоким образом зависят от отношения моей дочери к мальчишкам. Потому что в нашей домашней жизни постоянно проскакивали такие фразы: «Да что тебя слушать, ты разве папа?». С одной стороны, как я уже объясняла, моя дочь ни во что не ставила мальчишек из своего класса. После драки отношения не улучшились. Но с другой стороны, у моей дочери были кавказские корни, а значит, в ней было заложено уважительное отношение к мужчине, поскольку главой кавказской семьи является отец! Как и любой семьи, согласно идее об иерархии. Ну и ситуация, скажу я вам...

Я стала серьезно размышлять: а можно ли в семье, состоящей из одних женщин, воспитать уважительное отношение к мужчинам? В поисках вразумительного ответа я попала в тупик и поняла, что мужчину в принципе пока надо оставить в покое, подождет моя доченька с отцом – главой семейства, а сейчас надо браться за мальчишков из ее класса. Я стала думать, как же моей дочке подружиться с мальчишками или хотя бы более спокойно к ним относиться, без злобы и агрессии. А тут и февраль пришел.

В классе решили для мальчишков в честь Дня защитника Отечества устроить концерт. Каждая девочка должна была выступить на сцене: или стихи прочитать, или танец станцевать, в общем, себя показать. Мы с дочерью стали обсуждать, чем бы порадовать парней, чтобы и дочке не опозориться на сцене, и всем остальным, кто в зрительном зале, интересно стало. Выступать с песней про дельфиненка я запретила сразу. Танцевать она не умела. И я придумала загадывать загадки со сцены. А загадки не простые, все загадки для мальчишек. В интернете я искала несколько дней и нашла около двадцати загадок. Разбила их на два типа: «про войнушку» и «про хозяйство». Дочь была в восторге. Она считала, что такие загадки никто из мальчишек и разгадать-то не сможет. И вообще, что с них взять! Я смотрела да посмеивалась. Лично я была высокого мнения об умственных способностях мальчишек из ее класса. Поэтому и выбирала загадки позаковыристее. Дочь выучила загадки наизусть, подготовила шпаргалку на всякий случай. Мы с ней потренировались дома выходить на сцену, смотреть в глаза зрителям, обращаться с загадками к залу, а не к полу или потолку, не вертеть при этом головой, ногой, рукой... Короче, тренировались долго. Волнения было не избежать, учитывая скудный опыт моей дочери в сольных выступлениях на большой сцене актового зала школы, но крупные детали выступления мы отрепетировали. Свое выступление дочь держала в секрете от одноклассников, хотя подготовка девочек к предстоящему празднику шла открыто и очень дружелюбно.

В День защитника Отечества на мою дочь было приятно смотреть. Она вся светилась, так ей нравилось. И, конечно, счастливое волнение красило и без того очаровательное лицо моей дочери! Когда я пришла домой, то вечером только и разговоров было о том, что мальчишки разгадали почти все ее загадки и что всем было интересно, и что ее похвалили. Потом в течение долгого времени неразгаданная загадка вспоминалась как флаг на крепости души моей дочери, как последний форпост ее высокомерия и злобности. Мы несколько раз эту загадку загадывали даже взрослым мужчинам. Они ее тоже не разгадали: «Три старушки как охнут, вокруг все люди гложут».

Мне кажется, что нам повезло с этим праздником. Во-первых, моя дочь успешно выступила. Во-вторых, она поняла, насколько важна подготовка. В-третьих, мальчишкам понравилось. В-четвертых, одна загадка осталась неразгаданной. Не зря же говорят, что в каждой женщине должна быть «изюминка», тайна. Так и у моей дочери осталась тайна. А все остальное сдвинулось в сторону позитивного отношения к мальчикам из ее класса. Но это был только первый опыт, положивший начало крупной воспитательной стратегии борьбы со злобностью и манипулятором моей дочери.

Дедушка

Невозможно передать словами, как волновались мои родители, когда я стала приемной мамой ребенка из детского дома. В это время, как назло, все телевизоры смаковали жестокое обращение с маленьким мальчиком Агеевым в приемной семье. Мои родители смотрели, слушали и переживали за меня и за судьбу моей дочери. И даже несмотря на то что мы достаточно часто общались по телефону, все равно находилась какая-то телевизионная «зараза» или «заноза», которая опять погружала моих родителей в уныние и беспокойство. Помочь мне в моей битве без врага они не могли, но и спокойно сидеть сложа руки – тоже. Поэтому волновались и, конечно же, ждали нашего приезда.

Встречу с моими родителями я готовила постепенно. Сначала мы смотрели мои детские фотографии, где мои родители были молодыми и красивыми. Моей дочери они очень понравились. И она не раз говорила, что и я очень красивая. На настенном календаре дочки я отметила все летние поездки, чтобы она знала, что в июле едет в туристический лагерь в горы, а в августе мы вместе с ней едем знакомиться с моими родителями.

Ближе к августу мы сели посмотреть видеофильм, который я сняла несколько лет назад. Моя дочь заочно познакомилась с моей мамой, то есть своей бабушкой, с моим братом и его семьей. Видеофильм шел минут сорок. Но весь фильм моя дочь ерзала и постоянно меня спрашивала: «А где дедушка? А у меня будет дедушка? А когда я увижу дедушку?»

Так получилось, что дедушка появился только на сороковой минуте фильма. Он шел навстречу камере, махал рукой и широко улыбался. Моя дочь тут же схватила меня за руку:

– Это мой дедушка?

– Конечно, это он!

Больше мою дочь ничего не интересовало. Она увидела дедушку и успокоилась.

*Своими именами
Хочу я вещи называть.
Кристалльная вода
Не исказит того,
Кто всмотрится в ее глубины.*

Детская власть манипуляции

Мы были в деревне, где родители построили большой дом. Я мыла посуду на кухне. Дети играли в гостиной. Богданчик что-то лепетал на украинском, Мирослав часто смеялся. Вдруг я отчетливо услышала голос дочери. Ее интонация заставила меня вздрогнуть. Она произнесла всего несколько слов: «Пощади его или я тебя побью!» Я влетела в гостиную, прямо в желтых резиновых перчатках схватила дочь за руку и выдернула ее из троих детей.

Уже в нашей комнате, усадив ее на диван и сняв перчатки, я села рядом и попросила дочку повторить то, что она только что сказала. Дочь перепугалась. Губы ее задрожали. Но она произнесла: «Пощади его, а не то я...». Дальше она запнулась и замолчала.

– Дочка, – сказала я, – я знаю, что ты хорошо помнишь продолжение своих слов. Я хочу, чтобы ты произнесла эту фразу полностью еще раз.

Она выразительно, со злостью посмотрела на меня, проверяя мою настойчивость. Я смотрела на нее в упор, не отводя взгляда, научившись таким образом делать вещи важными и требовать внимательного к ним отношения.

– А не то я тебя побью!

– А не то ты побьешь Богдана? – уточнила я.

Дочка молчала, опустив голову.

– Получается, что ты хочешь Богдана держать в страхе, ты угрожаешь ему? Ты хочешь определять, кого ты пощадишь, а кого побьешь?

Дочка руками закрыла лицо. Я убрала ее руки от лица, сказав, что жду ответа и при этом хочу видеть ее глаза и лицо. Дочь начала плакать. Плакать фальшиво, как она умеет. Надо сказать, что притворно плакать она умела великолепно. Сначала лицо становится жутко жалостливое, потом глазки приобретают потрясающе невинное выражение, ладошки почти театрально закрывают лицо, начинают нервно подергиваться плечики. Я не раз, и даже не десять раз наблюдала эту прекрасно отрепетированную и заученную сцену. Котик из «Шрека» оказался талантливым учителем всех детей. Но моя доченька явно превзошла своего учителя в мастерстве.

Мне стоило огромного труда не броситься успокаивать ее, слова жалости и прощения уже готовы были сорваться с моего языка. Но я взяла себя в руки, прекратила метания, как телесные, так и словесные, и молча сидела и смотрела на свою любимую актрису.

Дело в том, что хороший актер играет свою роль сцену за сценой, у него есть целостный сюжет. А у моей дочери был только актерский прием, спектакль она пока выстраивать не умеет (я надеюсь, что мое воспитание покажет ей более эффективные способы общения, хотя подумать о карьере актрисы ей стоит). Поэтому через несколько минут такого фальшивого плача героиня должна убедиться, что ее способ работает. Обычно она украдкой начинает смотреть между пальчиками совершенно наглыми и, естественно, сухими глазами: как я реагирую? Прodelывает она это, опять-таки, безукоризненно. Продолжая якобы рыдать, подергивать плечиками, имитировать голосом плач, всхлипывать, она очень медленно и осознанно разводит пальчики и смотрит в образовавшееся отверстие. Заметить подобный маневр может только очень наблюдательный человек. Я заметила, и заметила давно.

Все свои актерские способности доченька продемонстрировала и в этой ситуации. Я эмоционально собралась и стала ждать, наблюдая за ней очень внимательно. И хотя мне хотелось дать ей пощечину, смахнув всю фальшь с ее лица, я старалась сидеть спокойно. Как только дочь начала подглядывать, я заговорила.

– В детском доме тебя мальчики били и издевались над тобой, когда ты была еще маленькая и многого не понимала. Теперь ты решила отыграться за свои унижения на Богдане и Мирославе? Да?

– Нет! Я не этого хотела! – крикнула она.

– А чего ты хотела?

– Не знаю!

– Доча, ты вчера Богдана измучила своими щелбанами по голове. У него от них разболелась голова, ты же знаешь, какой он чувствительный. Богдан и Мирославчик – твои братья, и мне нужно, чтобы вы подружились. Но никак не причиняли друг другу боль и страдания, и уж тем более не издевались друг над другом.

Дочь молчала, потупив взгляд.

– Напиши, пожалуйста, сочинение о том, что ты на самом деле хотела, и про «побью» тоже. Пока не напишешь, из комнаты не выйдешь.

Когда я вышла из комнаты, дети уже спали в своих кроватях. Вырубались все, хотя обычно днем они не спали. Я продолжила уборку. Через час я заглянула к нам в комнату. Там мирно посапывала и моя дочурка. Дети проснулись около пяти часов вечера.

Дочка написала сочинение из рук вон плохо в смысле грамматики. Написала она следующее:

«Сегодня днем я сказала одно слово (потом она зачеркнула „одно слово“ и написала „одну фразу“): „Пощади, а не то побью“. Но я под этим не подразумевала проблем, потому что я не хотела бить. У меня эта фраза взялась ниоткуда».

Я молча слушала, как она, путаясь в своих закорючках, сбивчиво перечитывала сочинение. Затем я спросила:

– А как ты его не собиралась бить? Вот так? – Я подошла и достаточно болезненно дала ей щелбан по голове. – Бить приблизительно так или сильнее? Как именно?

Дочке мой щелбан очень не понравился. Она зло на меня посмотрела. Но я спокойно продолжила:

– Вчера целый день ты раздавала щелбаны и Богдану, и Мирославу. Мальчишкам было больно, но они терпели. Хотя и обижались на тебя, но ненадолго. Ты пользовалась их добрым отношением к себе как к девочке, как к сестре. Богдан еще вчера пожаловался своей маме, что ты ему не даешь прохода и постоянно бьешь его, от чего у него стала болеть голова. – Я встала и дала ей еще раз щелбан по голове. – Ты его так не собиралась бить. Или сильнее? Или ты думаешь, что Богдан своей маме наврал, что ты его била по голове? Так кто из вас врёт: Богдан маме или ты в своем сочинении?

Дочь опять молчала, но я чувствовала, что злость ее нарастает.

– Мало того, что Богдану искусают все ноги земляные блохи, а потом в него вцепился клещ, которого еле вытащили, так еще приехала гадкая девочка, называющаяся сестрой, и измучила его своими щелбанами. Ты думаешь, Богдан об этом мечтал? Думаешь, все только и ждут, когда ты их одаришь своими издевками и тычками? Доча, пора понять, что игры детского дома остались в прошлом и что пора налаживать новые, более дружеские отношения. Или ты считаешь, что это и есть дружба? Ты сюда притащила бандитские отношения – кто может себе подчинить других, тот и главный! Дочка, здесь тебе не детский дом, где вы сидите взаперти и сильный подчиняет себе слабого, а старший подчиняет себе младшего! Ты находишься в открытом мире, где сильные люди защищают слабых, младших. Подумай только: это твои братья. И я не позволю тебе издеваться над ними. Я буду их защищать от твоих издевательств, потому что они дружат и играют с тобой, а ты с ними ведешь себя как дрянь! Скажи, Богдан тебя обижал?

– Нет.

– А Мирослав тебя обзывал, бил, насмехался над тобой?

– Нет.

– Тогда почему ты решила, что можешь так себя вести? Мы, возможно, единственные люди, которые любят тебя, которые приняли тебя в свой мир, и от твоего поведения сейчас многое зависит. Ты это понимаешь?

– Да.

– Тогда хватит врать себе и мне. Хватит вести себя по-скотски. Мне нужна твоя честность, мне нужна ты! Ты моя дочь, единственная дочь, и я тебя очень люблю!

Через минуту молчания она вымолвила:

– Если я буду признаваться, то мне придется углубиться очень далеко.

– Да, родная, углубляйся, потому что это единственно правильный путь, путь признания, путь свободы от детского дома! От его законов и привычек!

На следующий день история получила продолжение. Я отправила детей за молоком и решила вздремнуть в тишине. Разбудил меня рев Мирослава, доносившийся издалека. Я прислушалась. Это определенно был Мирослав. Я вышла со двора и пошла по улице навстречу неугомонной троице. Вдали я увидела, что моя дочь идет рядом с Мирославчиком и что-то ему говорит. Мирослав рыдает на всю улицу. Богдан идет на расстоянии нескольких метров от них. Подойдя ближе, я увидела, что Мирослав закрыл ладошкой глаз, а самым обиженным мне показался Богдан. Его я и спросила:

– Что произошло?

– Она сказала Мирославу: «Ударь Богдана». И он меня очень сильно ударил. А когда я в ответ его оттолкнул, он заплакал.

Моя дочка крикнула:

– Я этого не говорила!

Мирослав рыдал безостановочно и вопил, что ему что-то попало в глаз.

– Богдан, отдай ей молоко. Дочка, иди с молоком домой, я с тобой позже поговорю, а сейчас я займусь Мирославом, – распорядилась я.

Как только моя дочь удалилась от нас, Мирослав рыдать перестал. Но ладошку от глаза не оторвал.

– Мирослав теперь слушается только ее, – обиженно начал Богдан. – Мирослав, так нельзя, я же твой родной брат, мы должны защищать друг друга, а не нападать!

Мирослав по-прежнему молчал, сопел, но глаз не открывал.

– У меня болит глаз, – сказал Мирослав.

– Я знаю, что делать. Пойдем домой и промоем твой глазик холодной водой из колодца. Холодная вода глаз успокоит, – предложила я.

Мирославчик кивнул и зашагал со мной домой. Богдан подтянулся к нам, и мы стали обсуждать, какая пылица на дороге и что скоро по ней пойдут коровы с выпаса... И как пыль будет стоять столбом, но нас уже здесь не будет!

Мирослав и Богдан быстро помирились. Глаз мы промыли, и он больше не беспокоил Мирославушку. Я отправила мальчишек играть в трансформеры. Сложнее дело обстояло с моей дочкой. Когда я пришла в комнату, она сидела как ни в чем не бывало. В ее глазах не было ни тени вины. Дочь даже не спросила меня, как глазик Мирослава. Она приготовилась к суровой обороне.

– Ты считаешь, что Богдан врал, что по твоей наводке Мирослав его ударил? И ты не собиралась ссорить их между собой? – начала я.

– Конечно, я здесь ни при чем. Я ничего не делала такого!

– Хорошо, тогда я подожду, когда ты поймешь, что такого ты сделала. У тебя времени сколько захочешь. Сиди здесь, с тобой общаться буду только я, когда у меня будет для этого время. Когда поймешь, в чем дело, тогда я тебя выслушаю.

Я ушла расстроенная. Я видела, что дочка надела маску «ничего такого». Следующим шагом будет «Подумаешь!». А потом моя доченька опять вернется в одну из своих излюблен-

ных позиций: либо все кругом плохие, одна она хорошая, либо она плохая, и тогда зачем ей жить! Мне очень нужно было, чтобы дочь самостоятельно сняла с себя маску «ничего такого». Пока никаких идей у меня не возникло, и я решила, что она должна побыть в одиночестве.

Трудовое единение

Почти каждый час я навещала нашу комнату: дочь то рисовала, то спала, то опять рисовала. Никаких попыток обдумать ситуацию с ее стороны не наблюдалось. Она продолжала делать вид, что «ничего такого» не случилось. А в это время жизнь в деревне протекала бурно. Мой папа предложил сделать яблочный сок. Спасу не было от этих яблок! Они падали и падали нам под ноги. Мы их убирали. Но они падали быстрее, чем у нас доходили до них руки. И вот началась целая операция по изготовлению яблочного сока.

Все забегали по дому, переодеваясь в рабочую одежду. Папа из подвала вытащил ручной пресс, Богдан его отмыл от пыли в большом корыте. Пока Богдан мыл пресс, папа с Мирославом достали большую палку с рогаткой на конце для уборки яблок, висящих высоко на дереве. Я грела колодезную воду в большом корыте, чтобы она была не слишком ледяной. Дальше мы вытащили из бани большую деревянную лавку и взгромоздили на нее пресс. Вся эта подготовительная возня заняла полчаса. И всем уже не терпелось приступить к основному процессу! Мы с мамой сели за столик, на котором стояло огромное корыто с водой, куда Мирослав приносил яблоки. Мы яблоки мыли и терли на крупных терках. Как только набиралось ведро тертых яблок, Богдан их складывал в марлю. Марлю папа подкладывал под ручной пресс и начинал крутить рычаг, а все стояли кругом и смотрели с восторгом, как сок тек в другое ведро. Как только папа выжимал последние капли, каждый бежал дальше делать свое дело.

В какой-то момент появилась дочка и тихо попросила прощения у мальчишек. Мирослав ее позвал и радостно показал, сколько сока мы уже сделали. Мои родители ничего не поняли, так как я им не рассказывала про свои воспитательные меры. Но спросить у Богдана и Мирослава я должна была. И я спросила:

– Вы на каких условиях прощаете мою дочку?

Богдан тут же сказал:

– Не биться!

– Ты обещаешь? – обратилась я к дочке. Она в ответ закивала. Ей хотелось скорее помочь, влиться в общее дело.

Работа закипела с прежней силой. Мы сделали тридцать литров яблочного сока. Выпили не менее трех. Все устали и были рады, что все закончилось. Впервые мы легли спать далеко за полночь.

Когда мы улеглись, я напомнила своей девочке, что если я еще раз услышу от мальчишек, что она их бьет – неважно, сильно или слабо, – мы уедем из деревни и остаток своего отпуска проведем в городе вдвоем.

В течение недели мы много работали все вместе. Мы покрасили забор, ворота, теплицы, пропололи грядки, собрали урожай, гуляли, ходили в лес за грибами, привели в порядок могилы наших прадедушек и прабабушек, ходили в гости. Больше темы физического насилия и психологического давления не всплывали. Я не знаю, что в деревне спровоцировало мою доченьку на такое садистское поведение, но вряд ли оно было случайным и вряд ли оно впервые возникло именно здесь, с братиками. Мое отношение к словам дочери было внимательным и требовательным. Таким оно остается и по сей день.

Аватар подойдет

У моей дочери появился любимый мультик – «Самурай Джек». Причем главный герой в нем – самурай с мечом. Раньше доченька обожала смотреть всякие сериалы, где миром правят «девочки». Но поскольку теперь наша жизнь по обоюдному согласию протекает бурно и интересно без телевизора, и включать его можно лишь в выходные дни, чтобы посмотреть любимые мультики, то сериалы мы не смотрим, и дочь про них даже не вспоминает. Короче, мультики у нас утром и вечером. Приезжаю я как-то вечером домой после тренировки, а мне дочка радостно и очень уверенно сообщает:

– Мама, тебе Джек подойдет!

– Куда подойдет? – недоумеваю я.

– В мужья, конечно! Тебе же нужен муж!

– Да, мне нужен муж. А тебе, естественно, нужен папа. Но, доченька, самурай Джек только и делает, что ходит по миру и ищет приключений на свой меч. Если он или другой такой герой станет моим мужем, мы его в лучшем случае будем видеть раз в году на пару часов.

– Нет, мама, он останется с нами навсегда!

– Доченька, родная, как может герой жить изо дня в день в одном и том же месте? Он же перестанет быть героем! А как только он перестанет быть героем и совершать подвиги, он сразу же разонравится тебе и мне!

– Тогда надо тебе подобрать другого героя! Аватара, например. Да, Аватар тебе подойдет! Даже лучше, чем самурай Джек...

Да уж. Героя нам сильно не хватает.

Не знаю, или Битва за осознание

Автоматическое незнание

Задумайтесь, как часто ваш ребенок употребляет фразу «Не знаю». Произносит не просто в задумчивости или для того, чтобы осознать собственное непонимание. И уж конечно не для того, чтобы узнать или вообще знать! Нет, не в таких случаях. А автоматически. Ребенок даже не ставит местоимение «Я» перед этой фразой. Потому что если бы он сказал: «Я не знаю», то был бы ответственным за свое незнание, за то, с чем не разобрался, на что не обратил внимание, хотя должен был обратить, за свое неумение получать знания о себе, своих поступках, своих чувствах.

Моя дочь почти на каждый вопрос о ней торопилась «не знать». Именно торопилась, как будто если она срочно не выпалит волшебное «не знаю», приоткроется дверь внутрь. Как будто она не может позволить случиться этому ни при каких обстоятельствах! Ее «не знаю» давно стало крепкой и надежной стеной между ней и миром других людей. Автоматическое незнание, как нежелание задуматься, ее очень устраивало. Но оно совершенно не устраивало меня: было в этой программе что-то от робота-манипулятора, неприятное. Поскольку ее внутреннее «Я» маленькой девочки постепенно росло и крепло, мне хотелось, чтобы внешнее проявление этого процесса взросления имело продуктивное продолжение в виде ответственности и самостоятельности. Но какая может быть самостоятельность с такой непрошибаемой стеной из автоматических «не знаю»? Ведь к ответственности за свои действия вообще невозможно приблизиться, пока ребенок не будет готов открыто ответить на поставленный вопрос.

Игра в вопросы и ответы

Поскольку за четыре года жизни моей доченьки в детском доме защитная часть сооружения оборонного назначения типа «стенка» образовалась каменная, крепенькая, я решила, что лбом ее проламывать будет достаточно болезненно. Эта «стена» дочерью никак не осознавалась и была для нее как кожа, естественная и привычная. А я хотела, чтобы моя дочь хоть как-то сама увидела свою «стенку», и уж затем мы бы вместе решили, что с ней делать. Выстроив намерение показать дочке ее «стену», я придумала игру в вопросы и ответы. Скажу сразу, игра потребовала от меня определенных усилий.

* * *

Утро. Я варю манную кашу. Усердно мешаю ее ложкой, чтобы получилась без комочков. Моя дочурка сидит на диване и задает вопрос:

– А что у нас на завтрак?

– Не знаю, – копируя автоматизм своей дочери, выпаливаю я.

– Мапочка, как это ты не знаешь? – искренне удивляется дочка.

– Я не знаю точно так же, как не знаешь ты. Разве ты не видишь, что я делаю?

– Вижу. Ты манную кашу варишь.

– Правильно. Значит, ты знаешь ответ на свой вопрос так же хорошо, как знаешь ответы на многие мои вопросы!

Тишина. Только радио «Джаз» тихонько наигрывает легендарную «Осень в Нью-Йорке». Дочь погрузилась в себя. Думает. Я молчу и радуюсь.

* * *

Субботнее утро. Дочь подбегает ко мне и спрашивает:

– Мама, а мы пойдем гулять в детский городок?

– Не знаю, – быстренько отвечаю я.

Дочь отскакивает, ничего не говоря. Через два часа опять подбегает ко мне и спрашивает:

– Мама, а мы пойдем гулять в детский городок?

– Не знаю, – выпаливаю я.

Дочь надувает губы.

– Мама, почему ты не знаешь, пойдем мы гулять в детский городок или нет?

– Потому что это зависит от тебя.

– Как это от меня? – не понимает дочь.

– Если ты сделала свои уроки и написала то, что я тебе задала, ты можешь меня пригласить на прогулку. Ты также можешь сказать мне, что сделаешь мое задание на свежую голову после прогулки. Потому что погода замечательная и солнышко нас с тобой зовет! Ты можешь рассказать мне о своих делах, и мы с тобой вместе определим, в какое время нам хотелось бы пойти погулять! Ты все это можешь!

– Мапочка, я сделала все уроки, мне осталось только дописать русский. Пойдем гулять в городок, после того как я допишу русский?

– Конечно, солнышко. Видишь, как все просто, когда ты знаешь!

В вопросы и ответы мы играли каждый день. Каждый день я выманивала свою дочь из-за ее «стенки». Как в русской сказке: «Выгляни в окошко, дам тебе горошка». Только лиса

хотела украсть петушка, а я хотела, чтобы у моей дочери появился опыт понимания того, что ее «стенка» – это преграда между ней и ее интересом. Мне нужно было, чтобы у дочки появился опыт выхода в мир сквозь построенную собственными руками «стену», а также опыт получения знаний о другом мире. Также было важно, чтобы она научилась осознавать свои дела и рассказывать о них, потому что без этого воспитать самостоятельность и ответственность в человеке невозможно.

Зеркало

Таким образом, почти на все вопросы своей дочери я копировала ее собственную реакцию. Дочь по-разному реагировала на поставленное перед ней зеркало. Надо сказать, что смотреть в настоящее зеркало дочка всячески избегала. Она могла ходить нечесаной, и все мои уговоры посмотреть на себя хотя бы издали не имели успеха.

Конечно, как психолог, я понимала, что избегание зеркального отражения и явное нежелание смотреть на себя как бы со стороны может быть связано с серьезной проблемой неприятия себя в целом. Тем более что дочурка была уже в подростковом возрасте. Такие профессиональные рассуждения томились в моем сознании, и я думала, что зеркало является частью проблемы отказа узнавать себя. Если ребенок видит себя в зеркале, то он узнает что-то о себе. Хотя бы частично – ребенок может увидеть и цвет своих глаз, и то, как лежат у него волосы, и то, как он одет.

Многие «не знаю» были связаны не только с отказом глубоко осознавать свои цели и свои поступки. Многие «не знаю» банально были связаны с внешним видом дочери, с отказом принимать решение о том, как выглядеть в школе, что надевать дома. В каком порядке содержать свои тетрадки, книжки, как убирать свою кровать – эти и еще многие вопросы могли натолкнуться на ее пресловутое «не знаю».

Зубы

Вот уж не знаю, как бы решилась проблема с зеркалом, если бы мы не занялись зубами. Понятно, что любому человеку поход к стоматологу не приносит радостных ощущений; он почти всегда связан с болью. О зубной боли, сносящей полголовы и не дающей возможности ни уснуть, ни работать, написано много. К стоматологу не ходят без надобности. У моей дочери была насущная необходимость. Росли новые зубы, а частички старых зубов нужно было удалить. Причем моя дочь все знала, так как врач ей все рассказала, и мотив вроде бы был сформирован. Я пыталась показать своей дочери эти ряды старых и ненужных огрызков зубов в небольшом зеркальце, но она грубо вырывала его из моих рук, не желая смотреть на свои зубы. Я понимала серьезность положения, так как считается, что именно зубы тесно связаны с родными, с кровной родней. Поэтому удаление осколков старых зубов для того, чтобы новые росли без проблем, лично для меня имело огромное значение.

У стоматолога ребенок с ревом упирался до последнего, два осколка от разных зубов с одной стороны были удалены с боем. А другую сторону оставили на следующий раз, когда успокоится освобожденная сторона. Дочь рыдала всю дорогу, ничего сказать не могла, только выла. Мы еле доехали. Для нее это был сильнейший шок. Я видела, что дочка не притворяется, ей действительно очень больно!

Как только мы зашли домой, дочурка тут же помчалась к зеркалу! Она села напротив зеркала, открыла рот и стала всматриваться. И сидела так очень долго. Настало время удивляться мне. Дочка вертела головой, пытаясь рассмотреть все закоулки своей полости рта. Потом она буквально легла у зеркала (в моей комнате большое зеркало стояло на полу) и уснула.

Как потом выяснилось, ей в первый раз в жизни делали анестезию у стоматолога! Моя девочка не могла пошевелить ни языком, ни губами – и ей казалось, что такое состояние останется навсегда, что все взрослые врут, и вязкость и одеревенелость никогда не пройдут. Кроме того, она страшно испугалась, что ей вырвали вообще все зубы. Поскольку она не могла их почувствовать, и даже языком потрогать не получалось, всю дорогу домой она рыдала, потому что была уверена – зубов у нее во рту нет вовсе. От страха за себя и свои зубы она не могла сказать ни слова. Страх был настолько велик, что перекрыл нежелание смотреть на себя в зеркало. Моей дочери, возможно, впервые в жизни сильно захотелось знать про себя, про свои зубы не от кого-то другого, а от самой себя. Как говорится, воочию убедиться, что и рот, и зубы на месте. Именно это привело ее к зеркалу. Ведь зеркало дает возможность человеку узнать себя и увидеть изменения, происходящие с ним!

Сон моей дочери у зеркала как будто снял заклятие. Дочь подружилась со своим отражением. С тех пор она легко подходила к зеркалу, чтобы завязать себе хвостики, чтобы поиграть на флейте, чтобы оценить свой наряд. И многие «не знаю» исчезли вместе с нежеланием видеть себя со стороны.

*Спит кошка.
С миром в душе и теле.
Свернулась.
Лишь глаз зеленый приоткрыт.
А я сомкнуть их оба не могу!*

Тигра виновата

Тигра – это наша кошка. Необычайно умное, волшебное существо. Не ручное, дикое, но грациозное, изящное. Так вот, не было ни дня, когда бы я не мазала зеленкой свою дочурку. Моя дочь очень любит Тигру. Но поначалу это была любовь зажимающая. А наша Тигра не любит, когда ее лишают свободы передвижения, да еще и пытаются прижать или загнать в угол. Она начинала защищаться, как только рука моей дочери оказывалась рядом с ее шкурой. Еще Тигра наказывала мою дочь за любое повышение голоса. Она просто подходила к орущей дочери и кусала ее. Кусала молча, с пониманием дела. Тигра не любила нарушения тишины. В чем-то я с ней была согласна. Поскольку тишину я тоже уважаю.

– Доча, что это у тебя на руке? – спрашиваю я, приходя вечером с работы домой.

– Не знаю, – сердито бурчит дочь.

«Ага, это „не знаю“ уже не автоматическое, а скрывающее, – думаю я. – Наконец-то появилось эмоциональное „не знаю“!».

– Если ты не знаешь, то мне придется догадываться, что произошло. Ну-ка, покажи руку, я взгляну на нее внимательно.

– Там ничего такого... – Но руку протягивает.

– Эти две отметины мне знакомы. Тебя покусала Тигра?

– Да, она на меня опять напала, а я только хотела ее погладить! – И моя дочь начинает рассказывать, как Тигра виновата, что ее укусила.

Я иду за зеленкой, мажу укусы и веду беседы с Тигрой. Тигра сидит рядом и смотрит на меня честными глазами.

– Дочка, посмотри на Тигру. Она сидит спокойно и никакой вины за собой не чувствует. Видишь?

– Подумаешь!

– Руки твои, вот ты сама и думай!

Надо сказать, что защитная стена моей дочери складывалась из трех слоев реакций. Первая реакция – автоматическое «не знаю». Вторая: «Ничего такого». И третья: «Подумаешь!». Вместе они были непрошибаемы. Каждая из них сама по себе была средоточием равнодушия и пофигизма, а уж когда все три реакции следовали именно в таком порядке друг за другом, общение с моей дочерью можно было только прекратить. Конечно, можно было сказать что-то обидное для нее, оскорбительное или просто фыркнуть. Но это все мне не годилось, потому что никак не улучшало контакт и не проясняло саму ситуацию. Тем более я не была заинтересована в прекращении общения со своей дочкой. Какое-то время мне приходилось надуть губы и всем своим видом показывать, что я обиделась, что меня ее реакция разозлила. Но дочь хорошо себя чувствовала за плотной стеной защиты и даже не собиралась ничего видеть и понимать ни про себя, ни про меня!

*Есть у меня башня,
Заточена в которой
Взбалмошная дочь!
Приблизиться смогу ли?
Зима мне помогала.*

Святая вода

Как же мне одолеть эту «стенку»? Методы Тигры мне не подходили: у меня не было возможности укунить свою дочь, хотя желания было хоть отбавляй! Я не могла причинить ей физическую боль, поцарапав до крови. Но копить свои обиды и душевную боль тоже было пагубно и для моего здоровья, и для моего настроения. Ведь больно было по-настоящему. Показывай не показывай, а живые, реальные чувства отменить никак нельзя. Иначе я сама превращусь в такого же робота, как моя дочь. Хороши же мы будем – два робота, защищающиеся друг от друга стенкой из «не знаю», «ничего такого» и «подумаешь»!

Срочно надо было что-то придумать. Как-то раз после очередного столкновения со «стеной» я со злости пошла и попила водички святой. А потом подумала: «Чего это я одна буду ее пить и спасать себя от своей же злости? Надо и мою доченьку „приголубить“ святой водицей». Я набрала ковшик воды и совершенно спокойно пошла да и вылила его на ухмыляющуюся дочь. Прямо на лицо. Молча, без единого слова. Что тут началось! Моя дочь превратилась в злобное существо, настоящую фурию. Она начала буквально биться об пол (хорошо, что там лежал ворсистый ковер). Она так орала, что я тут же вспомнила все обряды изгнания бесов, которые видела в кино. Мысли о бесах посетили меня мгновенно. Я стояла, широко раскрыв рот от удивления, и наблюдала за своей дочкой! Злобное существо мычало и билось об пол. Я побежала и набрала воды еще. Вторая порция святой воды мою дочь успокоила. Она свернулась калачиком. Я не стала ее тревожить и оставила наедине с собой.

Реакция моей дочери на святую воду заставила меня крепко задуматься. Я обсудила на следующий день с дочкой влияние воды на ее тело, и мы договорились, что я каждый раз буду выливать на нее святую воду, когда она будет не в себе. И действительно, в следующий раз святая вода сняла агрессивное состояние и оживила мою дочь. Дочь откашливалась и приходила в чувство: видела меня, Тигру, себя. Злобность и ухмылки с ужимками слетали с ее лица мгновенно. Тело расслаблялось.

Еще мы стали обливаться холодной водой. После горячей ванны я обливала свою дочь: сначала ноги с коленей до щиколоток. Затем руки с локтей до кистей. Затем руки с плеч до кистей. Затем грудь, спину и только потом голову.

Юмор

Очень помогает юмор. Куда же без него? Там, где можно разозлиться, лучше рассмешить того, кто злит тебя! Этот девиз моей жизни я постаралась передать и своей дочери. Должно же что-то хорошее перениматься ребенком от родителей. Почему не юмор? Ведь если родители шутят, то это делает домашнюю атмосферу веселой и радостной. А дети, которые воспитываются в веселой атмосфере, не могут вырасти без чувства юмора. Так что все зависит от самих родителей.

Много плохих слов было сказано нашими критиками об американских мультфильмах. Но в них есть одно неоспоримое преимущество: игротехника юмора. И учились этому создатели мультиков достаточно долго. Потрясающее количество нарисованных персонажей – от кролика Багза Банни, дятла Вуди, собаки Гуффи, мышонка Микки до всемирно известных семейств Флинстоунов, Симпсонов, Гриффинов и т. п. – все это школа юмора, сотрудничества и поддержки друг друга. В этом их неодолимая притягательность и сила. А уж об отдельно стоящих сериалах типа «Футурамы» и «Южного парка» со специфическим юмором для понимающих людей можно писать целые интеллектуально-социально-политические трактаты. Тот, кто знает наизусть «Ежика в тумане» Норштейна, не скажет ничего плохого о диснеевских мультфильмах, да и сравнивать их между собой – все равно что сравнивать луну и солнце. Но смотреть мультики вместе с детьми родителям просто необходимо. Как и понимать, над чем смеются их дети, когда смотрят «Симпсонов» или «Царя горы». Многие родители скажут, что они ездят в кинотеатры и там смотрят мультфильмы вместе со своими детьми: «Валли», «Вольт», «Вверх», «Облачно, возможно осадки в виде фрикаделек», «Планета 51», «Рождественская история» и многие другие шедевры современной мультипликации. Это замечательно! Но сколько родителей смотрят с детьми «Гриффинов»? А сколько потом обсуждают то, что увидели? Мало. Очень мало. Дела взрослых людей оказываются более насущными, чем ежедневный юмор и понимание жизни. Отсюда и пропасть между поколениями. Отсюда и отсутствие улыбок на лицах взрослых людей.

Щелбаны

Зеркало избавило нас от многих «не знаю». Игра в вопросы и ответы помогла моей дочери начать думать и знать о себе. Остальным «не знаю», всем без исключения, был объявлен самый настоящий бой! Мы с дочерью договорились, что за каждое «не знаю» она получает от меня щелбан. Летом моя доченька щелбаны раздавала, как говорится, направо и налево, поэтому я решила, что щелбанами надо и наказывать. Ибо не делай с другими того, чего сам себе не желаешь. Как ни странно, моя дочь согласилась на щелбаны сразу же. И никаких споров на эту тему не заводила. Мне до сих пор кажется, что если бы она представляла себе масштаб своих «не знаю», она бы крепко подумала и ни за что не согласилась на щелбаны. Свое тело она любит и очень бережно к нему относится.

Этот договор о щелбанах стал кульминацией нашей битвы за осознанность. Мне было очень неловко давать щелбаны своей дочери. Это было даже не наказание. Это была претензия на безупречное понимание того, за что мы бьемся. Лично я вела беспощадную битву за осознание. И действовала я твердо. Каждый раз, когда моя дочь произносила «не знаю», чем бы я ни занималась, в каком бы месте нашей квартиры я ни находилась, я все останавливала и шла к дочери, чтобы дать щелбан. Приблизительно через три недели, когда появилась некая осмысленность в реакциях моей дочери, я стала накапливать щелбаны. Я громко объявляла, что моя дочь заслужила один щелбан, который она обязательно получит позднее. Когда накапливалось пять-шесть щелбанов, я выдавала ей их все разом.

Я буду...

Завтракаем. Погода за окном нашего первого этажа солнечная, ясная. Небо, естественно, голубое. Мороз до 25 градусов. Дочь говорит:

– Мороз и солнце...

Я подхватываю:

– День чудесный!

Дочь тараторит:

– Еще ты дрем. друг прелест... пора красав... прос...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.